

Гайрат Махмудходжаев

**Сумасшедшая
парадигма
делает СССР газовой
супердержавой**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Гайрат Махмудходжаев

**Сумасшедшая парадигма делает
СССР газовой супердержавой**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Махмудходжаев Г. Н.

Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой /
Г. Н. Махмудходжаев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-03842-4

В контексте становления страны энергетической супердержавой напрямую через мироощущение и восприятие - молодого геофизика, выпускника московского вуза, приводится стенограмма ключевых моментов освоения Зап. Сибири. События излагаются жестко без ретуши и глянца. Из хронологии записанных событий следует, что произведение является последним свидетельством очевидца знаковых событий в Зап. Сибири, шестьдесят лет назад. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03842-4

© Махмудходжаев Г. Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

1.Б-9-80-11.	14
2.Кумир.	17
3.Обучение щенка.	19
4.Ниндзя.	21
5.Сейсмозондирования на Аннушках.	23
6.Провальный роман.	24
7.Таинства Конды.	26
8.Прости меня, Мама... мамочка	30
9. Отец.	31
10.Отчим.	32
11. Рандеву...	33
12.Пол раскладушки с горячим телом.	35
13.Любимая женщина Ширака.	36
14. Вселенское чудо.	37
15. Железная рука оператора чередой идут рабочие будни.	43
16.30 секунд...	45
17. Сейчас только я отвечаю за всё и за всех!	48
18. Подводное сальто-мортале.	51
19. Групповуха	53
20. Ханты... Любовь моя	55
Повесть вторая. Я – оператор Тазовской с/п 3/59-60.	56
1.Сопливый мальчишка.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тем, кто вступает в этот мир с отчаянным желанием перевернуть и перекрыть этот мир под себя.

1951-52гг Зап. Сибирская Аэромагнитная экспедиция проводит аэромагнитную съёмку М:1 000000 всей территории Зап. Сибири с целью изучения неоднородностей палеозойского фундамента и построения геотектонической модели ЗСП, и выделяет на севере ряд интенсивных отрицательных магнитных аномалий меридионального простирания.

1952-1961- гг Геологические службы ЗапСибири 10 лет игнорируют эти аномалии считая их артефактами

1961-появляется молодой, до предела амбициозный геофизик-выпускник Московского Геолого-Разведочного института Марлен Шарафутдинов, у него уже ~2000 отстрелянных км. по тайге, по болотам, по реке и озёрам на тракторах и катерах, самолётах и оленях. Он со своим отрядом уже нашёл Тазовскую газонефтеносную структуру, которая через год даст первый в Арктике газ, и он решает проверить: с чем связаны эти отрицательные аэромагнитные аномалии?

Но Пурпе – несудоходная мелководная река, и летом она пересыхает до 0.5м.с Что делает Марлен?

Он по наитию заменяет буровые мониторы, с осадкой 1.5м. в классической глубоководной Шмелёвской речной сейсмики на мотопомпы и разрабатывает для ЗапСибири методику мелководной речной сейсмики

Это июль 1961г., Ямал, р. Пурпе. Речная Тарко-Салинская с/п 30/61-62 по отрицательной аэромагнитной аномалии открывает Пурпейский вал с Губкинским, Сев. Пурпейским, При-склоновое месторождениями и мгновенно устанавливает однозначную корреляцию всех отрицательных аэромагнитных аномалий с мезозойской тектоникой Ямала.

Но почему сумасшедшая парадигма? Парадигма от греч. *paradeigma* – пример, образец, модель постановки проблем и их решения. И только сумасшедшие могли на сухопутной Пурпе по аэромагнитным аномалиям искать УВ. Но мы нашли и УВ, и парадигму.

Справка. В Пуровском районе Ямало-Ненецкого

национального округа находятся 25% общемировых и 75% общероссийских запасов газа, но их было 0, когда мы пришли.

Общество с ограниченной ответственностью «Газпром ПХГ»
(ООО «Газпром ПХГ»)

« » 20 г.

№

ОТЗЫВ

Книга Г. Махмудходжаева представляет собой сборник воспоминаний об открытии в 60-е гг. XX века первых месторождений нефти и газа в Западной Сибири. В наши дни сложно поверить, что относительно недавно, всего каких-то 60-70 лет назад, бескрайние заболоченные равнины Западно-Сибирской низменности представляли интерес почти исключительно в качестве рыболовно-охотничьих угодий и выпаса оленей, да и эти-то занятия в силу суровых природных условий привлекали в этот северный неприветливый край немногих людей. И лишь отдельные специалисты догадывались, верили, что в недрах Тюменского Севера сокрыто чудо, которое очень скоро навсегда изменит судьбу страны.

50-е годы прошлого века были непростым временем для государства. Страна приходила в себя после самой разрушительной войны в истории, требовалось восстановить, а во многих случаях и построить заново множество предприятий, заводов, фабрик. Но для возрождавшейся промышленности нужны были ресурсы, а истощающиеся месторождения Волго-Уральского региона, бывшего в предвоенные и военные годы основным поставщиком нефтепродуктов, уже не были способны ответить на новые вызовы эпохи. И вот, в конце 50-х гг. начинается грандиозное всестороннее комплексное изучение Западной Сибири с целью поисков нефти и газа, а первыми в неизведанные края, как известно, приходят разведчики. Одним из таких первопроходцев, осуществлявших сейсморазведочные работы, был автор.

В книге подробно и эмоционально рассказано, с какими трудностями сталкивались первые исследователи Приобья и Ямала, какими суровыми испытаниями встречал этот суровый край вновь прибывших чужаков, как далеко не каждый с честью проходил через все эти испытания. Вместе с тем, сквозь всё повествование чувствуется неподдельная любовь автора к северной природе, бескрайней сибирской тайге, опасным, но величавым северным рекам, а главное – к людям, которые окружали его в то время и все вместе, порой сами того не сознавая, творили историю страны.

Особую ценность воспоминаниям Г. Махмудходжаева придает то, что он сам являлся непосредственным исполнителем разведочных работ, поэтому мы видим не «кабинетный» взгляд на события, а можем оценить самоотверженный труд первопроходцев Тюменского Севера «изнутри». При этом автором описан не только тяжёлый труд участников сейсморазведочных партий, но и весёлые минуты отдыха, сложные взаимоотношения совершенно разных людей, волею случая оказавшихся рядом друг с другом, опасные происшествия в ходе производства работ, да и просто интересные истории из жизни. Всё это делает книгу не скучными мемуарами, а сборником живых свидетельств той славной эпохи.

С уважением,

Р.С. Никитин

Муниципальное образование Пуровский район
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
ПУРОВСКИЙ РАЙОННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

629850, ЯНАО, Пуровский район, г. Тарко-Сале, ул. Республики, 17, 19
тел. (34997) 2-13-08 тел/факс (34997) 6-10-83, тел (34997) 6-32-36, ОКПО 49838186
www.purmuseum.ru, e-mail: museumprikm@mail.ru

«15» марта 2019 года № 136
На № _____ от _____

Автору книги «Сумасшедшая парадигма
делает СССР газовой супердержавой»
Гайрату Махмудходжаеву

Уважаемый, дорогой наш Гайрат Нуретдинович!

Искренно благодарим за возможность прикоснуться к истории поиска углеводородов в Пуровском районе, ЯНАО описанную в Вашей книге «Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой», и направляем свои мысли, чувства, выраженные на листе бумаги в попытках осмыслить события.

Приложения: в 1 экз. на 4 л. – анализ книги; 6 единиц, сканированных копий документов (музейных предметов) в электронном формате.

Директор

Ю.В. Пэк

Исп:
Исполнитель Ольга Владимировна Тишук 8 (34997) 6-32-36

Анализ книги Гайрата Махмудходжаева
«Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой»

Главный хранитель муниципального бюджетного учреждения культуры
«Пуровский районный историко-краеведческий музей»
Ольга Владимировна Тищук

Книга «Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой» состоит из трёх повестей. В произведении повествование от первого лица – участника событий. Участник событий молодой человек – Гайрат Махмудходжаев (Марлен Шарафутдинов). Значимая фигура для Пуровского района. В третьей повести перед глазами читателя разворачивается сюжет о том, как Марлен Шарафутдинов – начальник Тарко-Салинской сейсмопартии 30/61-62, веря в свою идею, новую для всего мира модель поиска углеводородов, выделяет географически удобное место на территории Пуровского района для проведения речной сейсморазведки и подтверждения структур с содержанием нефти, газа, газоконденсата.

Связь аэромагнитных аномалий с глубинными тектоническими структурами доказана. В 1961 г. под его руководством впервые проводились разведочные работы на участке среднего течения Пурпе, где речной профиль пересёк свод зарегистрированного Пурпейского вала. В последующие годы в пределах Пурпейского вала были открыты три месторождения: Губкинское, Северо-Губкинское и Присклоновое.

На наш взгляд – это книга не только о значимости углеводородных ресурсов для послевоенного времени СССР и России. Эта книга о людях, которые стояли за этим. Когда читаешь её, захватывает дух. Ты соприкасаешься с тем, что только видел на фотографиях, на выставках, читал в документах. Возникающие образы от прочтения книги, оживали в одно мгновение, и пересекались с ассоциациями от восприятия «молчаливых» музейных предметов.

В муниципальном районном историко-краеведческом музее хранятся уникальные «свидетели» прошлого. В результате анализа книги и научной

работы найдены записи в первой части альбома «История Пуровской геофизической экспедиции» 1961-1980 гг.» о семье Мавлютовых.

Буровой мастер Александр Файзулович Мавлютов работал в отряде Шарафутдинова, который поручил ему отвечать за груз сейсмопартии. Груза было много. Отряд планировал зимовать в Тарко-сале.

Многие из отряда Шарафутдинова разъехались кто куда. Мавлютов с семьёй осел в Тарко-сале и проработал в «бурении» много лет. Александр Файзулович Мавлютов был общительным человеком, зажигательно играл на гармошке, фотографировал. Почти все фотографии альбома сняты его «ЗОРКИМ-С» (Приложение № 1). Из воспоминаний, которые напечатаны в альбоме, известно, что старший сын Миша работал геофизиком на АТС, гордился своим отцом. Жену звали Марфа Григорьевна. При разговоре о прошлой жизни с ней, она то улыбалась, то её лицо омрачалось грустью. Сколько пройдено, пережито, отмечено автором альбома.

Трагичным и поучительным для последующего поколения остаётся факт аварии на Пурпейской площади. В книге, главе «Катастрофа» подробно описано место, кто и зачем заложил Р-101 под глубокое разведочное бурение. Автор-очевидец вынес на суд читателя причины, происходившего в 1965 г. Пожар настолько был мощным, что даже через много лет, когда открываешь журнал «Смена» № 22, ноябрь 1965 г. на страницах 3-5 (музейных предмет), понимаешь какой ценой, мужеством, сумасшедшей парадигмой обеспечены энергетические возможности России. (Приложение № 1).

Отличительной чертой произведения является повествование о реке Пур и о северной природе. Природу автор одушевляет и как свойственно древнеримскому поэту Овидею трактует в форме перечисления её красот. «Мы уже прошли Пяку-Пур и сейчас поднимаемся по Пурпе. В отличие от большинства рек Западной Сибири она течёт в широтном направлении с Запада на Восток. Здесь, в своих низовьях она спокойно и плавно несёт свои воды. У неё – широкое русло и пологие песчаные берега, сплошь из тонкозернистого кварцевого песка. Это – идеальные пляжи ... Уже шестой день мы упрямо движемся по Пурпе. Картина по берегам постепенно меняется. Тайга редет и переходит в мелколесье. Хвойные

породы уступают лиственным. Появляются осина, клён. Больше становится берёзы».

Акцентными моментами для нас стали попытки автором охватить как можно больше исторических событий мирового масштаба. В произведение через личность человека описан субъективный взгляд на ситуацию в стране СССР (России). Трогательная встреча с балериной Екатериной Максимовой. 20-ый съезд партии. Отречение Николая II. Расстрел отца по приговору Военной коллегии от 4 октября 1938 года. Вынужденная смена фамилии. Всесоюзный парад физкультурников в Москве. Возврат отчима с гражданской войны с расстроенной психикой. Упоминание об актрисе Татьяне Самойловой и её встрече с Пабло Пикассо. Место, связанное с жизнью Александра Даниловича Меншикова. Можно еще перечислять и перечислять. С одной стороны – это подчёркивает значимость личности, дело главного героя в истории России, с другой стороны, на наш взгляд, требует детальной проработки, как это сделано в первой повести, когда главный герой встречается с юной Екатериной Максимовой. Фантазии о девушке гармонично вплетены в текст и раскрывают душевные качества Марлена. Последующие отступления – факты из переплетения прошлого и настоящего, как контрастный душ, заставляющий читателя сбиться с пути осмысления, что происходило и происходит вокруг. Но это лишь субъективный наш взгляд.

Книга интересна не только с исторической и научной точки зрения, но и с философской. Главный герой попадает в жизненные ситуации, из которых выходит победителем. Отвага, мужество, ответственность за свою жизнь и других – суть личности, образец для подражания. Книга для широкого круга читателей. Особенно познавательна для подросткового и юношеского возраста опытом, которым делится автор. Вопросы: «Что такое жизнь? Что такое любовь?», темы: «Научный прорыв в поиске углеводородов», «Взаимоотношения руководителей и подчинённых», «Личность геофизика и его жизнь», «Природа и её освоение», «Противостояние человека природе», «Взаимоотношения мужчины и женщины», «Исторические события, которые повлияли на жизнь человека и общества в целом» актуальны. Произведение пронизано современным глубоким отношением к жизни. В лице главного героя, мы улавливаем дух общества сегодня. Суэта обесмыслена. Все в жизни последовательно и закономерно. Есть высшая воля

Бога. Он даёт человеку жизнь для того чтобы тот стал лучше. В основе всего любовь. Автор наглядно показывает характеры девушек и молодых людей. В каждом заложен божественный потенциал, что не подвластно осмыслению человеком. Девушка с гитарой напрасно тратит своё время. Не ценит себя и не следует своей высшей женской цели. Растрчивает себя в пустую. В противопоставление ей автором представлен образ девушки, которая ждет главного героя с работы – вахты. Через сравнение, автор показывает, что сильный мужчина – главный герой ценит женские качества: умение терпеть, веру в своё предназначение и свою дорогу, что определяет, в конечном счете, любовь.

Можно бесконечно рассуждать об идеях книги «Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой». В своем отзыве мы только прикоснулись к тому, что хотел автор донести до читателя. Для нас – сотрудников музея произведение познавательно для комплектования музейного фонда и создания выставок. Предмет и мысли, чувства человек едины, что характерно для авторской восточной манеры описания действительности.

Поэтому с глубоким уважением, любовью хочется обратиться к автору и сказать о том, как ценен Ваш опыт для нас. Благодарим за труд! Желаем здоровья, долголетия! Спасибо за образы советского времени, которое ни прошли для нас бесследно. Спасибо за ожившее восприятие от музейных предметов по теме: «Геология», что хранятся в наших хранилищах, чтобы снова встретится с человеческой реальностью.

Отзыв о книге Г.Н. Махмудходжаева
«Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой»

Книга Гайрата Нуретдиновича Махмудходжаева «Сумасшедшая парадигма делает СССР газовой супердержавой» написана в жанре мемуаров и включает в себя три документальные повести: «Спаси человека!», «Я - оператор Тазовской с/п 3/59-60» и «Пурпейская парадигма».

Книга вызывает большой интерес, прежде всего, как источник, повествующий об освоении Тюменского Севера как нефтегазоносного региона Российской Федерации.

За написанными автором строками реальные имена и названия, история области и страны, сплетающаяся с жизнями конкретных людей, чей трудовой подвиг стал возможным благодаря жажде открытий и азарту преодолений.

Не оставляют равнодушным документальные события из жизни автора, описанные в повести «Спаси человека!», как человека с настоящим мужским характером и отважными героическими поступками, достойными самой высокой оценки. Повесть биографична, раскрывает сложную, но в то же время, насыщенную событиями, жизнь героя.

Впечатляют в произведениях сочетание технического и художественного описания исторического факта: освоения Тазовского месторождения газа на Крайнем Севере России, положившее начало ряду открытий крупных запасов углеводородов в арктическом регионе. Автор иллюстрирует произведение личными архивными документами, письмами и фотографиями, что подчеркивает документальность происходящих событий и показывает большую значимость материала для изучения истории экономического развития Севера Западной Сибири, особую роль первых геологических предприятий и людей, которые внесли свой вклад в его развитие.

Гайрат Нуретдинович интересен читателю не только как автор книги с его необычно доступной манерой излагать содержание произведения, но и как профессионал геологоразведки, ведущий геофизик, один из первых создателей алгоритмов обработки сейсмоданных в частотной области.

Безусловно, книга будет интересна как с точки зрения истории формирования нефтегазоносного региона Российской Федерации, так и с точки зрения изучения формирования и развития характеров разведчиков недр.

Заведующая сектором литературного
краеведения отдела литературного
краеведения и библиографии
Государственной библиотеки Югры

А. А. Ядгарова

Повесть первая. Спаси человека!

Ташкентская Школа №50 явилась тем трамплином, с которого я сразу попал в Московский Геологоразведочный институт. И именно Школа воспитала во мне ту человечность и мужество, которые помогли мне пройти через жестокие испытания, о которых идёт речь. Спасибо, тебе Школа!

Ташкент 2011 г.

1.Б-9-80-11.

1957 год, Москва Августовский морозящий Арбат. На остановке троллейбуса напротив Художественного театра стою я – Марлен Шарафутдинов, 22-х лет. Я – молод. Я – полон сил. И передо мной у моих ног – весь мир. Я – выпускник МГРИ. Я – выпускник Московского Геолога Разведочного институт им. С. Орджоникидзе. В моем дипломе одних только экзаменов, почти 50 – 50 экзаменов по всем областям человеческих знаний, имеющих хоть какое-то отношение к геофизическим методам разведки полезных ископаемых. И каждый экзамен был сдан под инквизиторскими взглядами экзаменаторов, и каждый экзамен был жестокой схваткой – между мной, который хотел доказать, что он знает все и преподавателем, который хотел доказать обратное. Перед преподавателями мы сидели tet-a-tet до часу или более, а перед тем, как зайти в экзаменационную комнату мы буквально испытывали животный страх и поминутно бежали мочиться в туалет. Таковы были правила игры в лучшей в мире системе образования. Но все это уже позади. Я сделал это. И теперь я – горный инженер-геофизик, и я готов пройти и тундру, и тайгу, чтобы послужить на благо моей Великой Родине – на благо Великому Советскому Союзу.

Мой троллейбус все еще не появлялся, но появилась девушка-подросток. Её очарование было в её простоте и безыскусственности. Простенькое пальтишко, туфли-тапочки, шапочка, что-то в руках. Но мне бросилось сразу в глаза – ее непривычно прямая спина и уверенная походка с развернутой постановкой стоп. У меня потеплело на сердце. Это был мой образ. Это был образ, который растил и лелеял в своем сознании, в своем сердце юноша, который искал себе подругу и спутницу на всю свою жизнь. Мы встречаемся взглядами, слегка улыбаемся друг другу, и я понимаю, что это очаровательное существо тоже обратило внимание на черноглазого юношу в форменной институтской тужурке.

“Привет – Привет. Как дела? – Хорошо! Куда спешим? – Домой. Как звать? – Катя! Катя Максимова! – Марлен! Чем занимаемся? – Кончаю хореографическое училище. – А я кончил Геологоразведочный институт.” Подходит троллейбус, и я получаю бесценный подарок. Я получаю Московский шестизначный номер Б-9-80-11. Троллейбус трогается, а в светлом окне троллейбуса мне улыбается моя Катя, улыбается и быстро, быстро – из стороны в сторону, машет мне своей маленькой ладошкой, и уезжает от меня, И я уже знаю, что я уже больше её никогда не увижу. У меня в кармане билет на поезд в Тюмень и назначение в Тюменский

геологоразведочный трест. Я был рожден под знаком Скорпиона, и я уже вставал на крыло своей геофизической карьеры...

И

уже никакая девочка с Арбата, и даже юная балерина Большого не могли удержать меня от стремительного бега по ней. Прошло три года. Я уже профессиональный оператор сейсмической станции или просто оператор СС, и мы ведем сейсмическую разведку на залежи углеводородов в Арктической тундре. Я сижу в сейсмическом балке в тундре, в 50 км. от заполярного поселка Тазовский, что расположен в устье Тазовской губы, которая в свою очередь впадает в Великий Ледовитый Океан, и сейчас мы отстреливаем сейсмический профиль. Сейсмический балок – это такой домик на железных санях, который передвигается трактором по сейсмическому профилю по мере его отстрела. В балке тепло уютно, светит электрическая лампочка от аккумуляторов, а за балком не то -40, не то -50. Здесь это без разницы. Я сижу в балке и жду погоды – не у моря, конечно, а у тундры. Нужно уловить момент, когда стихнет ветер, который дует здесь напропалую 24 часа в сутки и позволит мне зарегистрировать сейсмограмму без мешающих ветровых помех. Глубокая ночь, рядом громко храпит мой помощник, и меня против воли тоже клонит ко сну. Передо мной на столе – стопка журналов и газет, привезенных накануне оленями. Этими добрыми безропотными животными, которые полностью посвятили свою жизнь и самих себя нам без остатка. Свой быстрый бег – на перевозку людей и грузов, свою мохнатую шкуру они отдают на ненецкую малицу и чуни, а свое мясо – свою плоть – на вкусное варево для нас. Из привезенной стопки я беру “Огонёк”. Листаю. Вот разворот. И

сна как не бывало – и

я уже не могу оторвать глаз. На глянцевом развороте изображена сцена из балета “Пламя Парижа” в постановке Большого и исполнители главных партий, и мне улыбается, и улыбается только мне – девушка с Московским номером Б-9-80-11.

Время летит стремглав.

И вот уже 28 Апреля 2009, и вся Россия, да и весь мир, которому Катя щедро дарила свой талант, с печалью

узнает о смерти

великой

русской балерины – Екатерины Максимовой, которая когда то на Арбате улыбалась

мне в окне троллейбуса и быстро – быстро из стороны в сторону, махала мне на прощание своей маленькой ладошкой.

Так что же есть жизнь – мгновение – миг. Миг между прошлым и будущим. Будущим куда – в забвение – в жизнь вечную – в Царство Небесное? А что есть жизнь вечная и Царство Небесное?

А может, всё это Блеф! И мы просто возвращаемся в свой Отчий дом к Небесному Отцу для разбора наших земных полётов и получения очередных Отческих наставлений?! Ну не будем напрягаться! Рано или поздно, мы это узнаем от самого Первоисточника.

2.Кумир.

Ну хватит о печальном. Итак, я еду в Тюмень. Мой поезд плавно замедляет ход. За окном нашего вагона проплывает здание вокзала. Вагон на мгновение останавливается, потом слегка сдаёт назад, потом опять вперед, слышен приглушенный лязг буферов и, наконец, он замирает окончательно, а за окном из вокзального репродуктора звучит хриплый голос – “Скорый поезд N ... Москва – Тюмень прибыл на первый путь”. Вот они ворота Сибири! Я спокойно сижу у окна, смотрю на выдавшее времена обшарпанное здание вокзала и жду пока схлынет первая волна самых нетерпеливых и суетливых пассажиров. Затем закидываю за спину рюкзак со своим нехитрым московским скарбом, схожу на перрон и через проход с заголовком “Выход в город” выхожу на привокзальную площадь Тюмени. Обычная замызганная площадь областного центра страны с её обычными аксессуарами и атрибутами. Газетные киоски, немудреные торговые ларьки быстрого питания, стоянки автобусов, такси и ... И до боли знакомая бронзовая фигура... Фигура Владимира Ильича. Ленин! Смешно сказать, но марксистом и ленинцем я стал ещё в пелёнках. Моя мать уже после моего рождения поддалась всеобщему сумасшествию и своей подруге, сокурснице по Рабфаку, и неистовой марксистке Хамро Таировой, будущему министру Республики Таджикистан, и срочно переименовала меня в гибридную аббревиатуру Маркса и Ленина. А потом был детский сад с портретами дедушки Ленина – таким елейным и ласковым, что казалось сама любовь льётся на тебя. И которые висели во всех наших комнатах, разве только не в самой нашей любимой, где мы часами сидели на горшках.

А потом – приём в пионеры в пионерскую организацию имени В.И.Ленина у огромного костра на школьном дворе Ташкентской Пятидесятки. Пламя костра из тьмы выхватывает наши сосредоточенные, не по-детски, лица самозабвенно и отрешённо повторяющие слова пионерской присяги – “ Я, юный пионер Союза Советских Социалистических Республик, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь ... “ Потом нам всем повязывают красные галстуки. Я весь дрожу и со слезами на глазах непрестанно твержу, что я готов тотчас – без промедленья и без раздумья отдать свою жизнь “борьбе за дело Ленина и Сталина! Борьбе за освобождение рабочих всего мира от буржуев и капиталистов! “ И вот мы уже все вместе поём “Взвейтесь кострами синие ночи, мы – пионеры дети рабочих...” Это была сказка! Домой я бежал на крыльях и такими крыльями для меня были развевавшийся на моей шее красный галстук и моя уже причастность к пионерам и пионерской организации имени моего любимого Ленина.

А потом – Комсомол! Ленинский! С его бесконечными собраниями и с бесконечными комсомольскими разборками. А потом – а потом за нас уже взялся институт. И это уже было всерьёз, и капитально! И это была уже настоящая чистка и промывка наших молодых и неокрепших мозгов. Наше недельное расписание сплошь пестрело аббревиатурой ОМЛ или Основ Марксизма-Ленинизма и семинарами по ОМЛ с конспектированием и обсуждением работ теоретиков Марксизма-Ленинизма и, в первую очередь, работ Владимира Ильича. ОМЛ и прочие общественные науки у нас вел молодой доцент философии Самуил Исаакович Штейнбук. Это был преподаватель новой волны и умница до невозможности. Слушать его лекции и общаться с ним на семинарах – была просто сказка. Я, вообще, не особенно радел касательно своих институтских успехов и был безнадежно далек от наших признанных курсовых лидеров: курносой красавицы – Леночки Михайловой и просто красавицы, а по совместительству ещё и комсомольского авторитета – Лизы Черновой, но по ОМЛ я выкладывался по полной и ходил у молодого доцента в фаворитах.

Я

обычно допоздна засиживался в “Ленинке”, так мы нежно называли Государственную Библиотеку им. Ленина, и которая находилась всего лишь через квартал от нашего института. Здесь для публичного чтения студентам и рядовым читателям был отдан самый большой зал библиотеки – Зал N1 Это было завораживающее зрелище – огромный зал, величиной чуть ли не с половины футбольного поля, море зелёных настольных абажуров и под ними склонённые и напряженные головы, обложенные с обеих сторон стопками книг, и ищущие истину и ответы в трудах гениев, в трудах основоположников Марксизма-Ленинизма и в 55-ти томах полного собрания сочинений В.И. Ленина. В зале стоит благоговейная тишина, за которой внимательно следят дежурные по залу, и которая лишь время от времени прерывается кашлем читателей в различных частях зала. И приходила ли кому-нибудь из нас, тогда сидевших в зале, бредовая мысль, что он ищет черную кошку в чёрной комнате, в которой её никогда не было. А за пределами “Ленинки”, вот так же, как и мы, миллионы и миллионы умов по всей стране отчаянно и самоотверженно искали правду жизни и чёрную кошку в тех же самых трудах основоположников Марксизма-Ленинизма и в тех же самых трудах В.И. Ленина.

Предпоследний курс института совпал с 20-ым съездом партии и зачитыванием нам открытого письма ЦК. В одно мгновение со всех своих постаментов слетели и разбились вдребезги все коммунистические властители наших умов. И сразу стали жестокой реальностью всплывшие преступления большевиков, а потом станет чудовищной реальностью и правда о Царской семье – семье Николая II – последнего Российского Императора.

Сразу после отречения Николай II и его семья переезжают из Александровского дворца в Царское Село, а потом по решению Временного правительства их высылают в Тобольск. Но потом большевики переигрывают и принимают решение об организации открытого суда над Романовыми. С этой целью они перевозят их в Екатеринбург и помещают их в доме бывшего военного инженера-строителя Ипатьева для последующей переправки в Москву. Однако, восстание [Чехословацкого корпуса](#) и их совместное наступление с [белой](#) Сибирской армии на Екатеринбург заставляют Свердловских большевиков внести коррективы в свои планы.

В ночь с 16 на 17 июля 1918 года комендант дома Ипатьева Юровский Я.М. поднимает Царскую семью за полночь и под угрозой мнимого нападения анархистов спускает их вниз в угловую полуподвальную комнату. Вниз спускаются: Николай II, его супруга – Александра, дочери – Мария, Татьяна, Ольга, Анастасия и 10-тилетний цесаревич Алексей. А также слуги – лейб-медик Боткин Е.С., повар И.М. Харитонов, камердинер-полковник Трупп А.Е., горничная Демидова А.С. Когда все спустились, вслед за ними входят 12 солдат охраны и встают перед ними в шеренгу. Юровский выходит вперёд. Затем достаёт из кармана листок бумаги. И начинает читать, запинаясь, постановление Урал-облсовета – постановление о расстреле Романовых. “Что? Что?” – пытается что-то переспросить Николай II. Но поздно! Одновременно звучат 12 револьверных выстрелов из наганов солдат охраны. Николай II и Александра падают сразу. Кто не погибает сразу – тех достреливают и докалывают. Юровский достреливает Цесаревича. А юную Анастасию докалывают штыками. За окном отчаянно тархтит грузовик марки “Форд”, заглушая выстрелы в подвале Ипатьевского дома... И готовится перевозить тела убиенной Царской семьи последнего Российского Императора.

На следующий день 17 июля 1918 года в Москве на заседании Совнаркома под председательством Ленина Свердлов объявляет о расстреле в Екатеринбурге Николая II по постановлению Уралоблсовета. Президиум ЦИК постановляет – “действия Урал-облсовета одобрить!”. Под принятым постановлением стоит подпись – Ульянов / Ленин. /

3. Обучение щенка.

Я иду по тенистым улицам старого города Тюмени в направлении своего места назначения – Тюменского Геологоразведочного треста. Машин – нет. Изредка про цокают по булыжной мостовой местные рысаки, запряженные в повозки. По обеим сторонам улиц под кронами раскидистых клёнов и лип стоят сохранившиеся ещё с дореволюционных времен бревенчатые срубы, вросшие в землю почти до самых оконных наличников с резными ставнями работы старых русских умельцев. Я не тороплюсь. Я весь наполнен чем-то светлым и радостным. И я не тороплюсь с ним расстаться.

Наконец, стоящие у ворот две “карротажки” подсказывают мне, что я у цели. Останавливаюсь. Смотрю на ворота. В мою новую жизнь. Там за ними начинается моя новая жизнь. И главное, теперь я могу купить своей крошке балерине целый букет роз. Да, что там букет! Весь прилавок! А еще! А еще, я могу жениться! Впрочем, нет! С этим пока подождём! Пусть сначала покорит Большой. А я тем временем открою пару месторождений УВ!

Это были смутные времена в геологической службе Тюмени. Идёт борьба кланов геофизиков и геологов. Уезжает в Москву идеолог Тюменских геофизиков умница и интеллигент Юрий Грачев. Происходит слияние Геофизического и Геологического трестов и во главе объединенного Тюменского Геологоразведочного треста встаёт Ю.Г. Эрвье, будущая культовая фигура Западной Сибири и, по словам, страшный матерщинник. Я иду в производственный отдел нового треста получать назначение. Новый Тюменский Геологоразведочный трест тогда располагался на улице Республика 22 или что-то вроде этого. Вообще, эта улица была настолько популярна в Западной Сибири, что я, в конце концов, понял, что это просто потаённая голубая мечта западных сибиряков о своей Западносибирской Социалистической Республике.

В производственном отделе треста мне сразу предлагают место интерпретатора в Ханты-Мансийской сейсмической партию или с/п, но мне в с/п нужно было только место полевого оператора. Беседовавшие со мной за длинным полированным столом бывалые геофизики громко расхохотались прямо мне в лицо. Затем снова посмотрели на меня с любопытством и начали внимательно изучать меня. Да знаю ли я, безусый московский хлыщ, что такое зимние полевые сейсмические партии в Сибири и место оператора в таких партиях!

* Это – когда пьяные трактористы таранят жилые балки.
когда подрываются и взлетают на воздух взрывники.

* Это –

* Это – когда горят балки с сейсмостанциями и с людьми.

* Это – когда зимой на переправах тонут трактора вместе с трактористами.

И за всё это, и за качество сейсмического материала отвечает оператор сейсмонасти. Нет, всего этого я, конечно, не мог знать. Но я уже познал то трепетное и сладостное чувство, когда вслед за твоими словами:” Приготовиться – Внимание – Огонь” следует взрыв и через несколько мгновений в узкой щели осциллографа сейсмостанции начинают колебаться зайчики гальванометров, рассказывая тебе о таинственных глубинах земли. Я это познал на преддипломной практике в сейсмопартии ВНИИ Геофизики, которая проводила испытание первой отечественной переносной сейсмостанции ПСС-24 на острове, недалеко от сибирского поселка Березово. В партии вместо рабочих были студенты-практиканты горных вузов Москвы, Ленинграда и Свердловска, но я за свою старательность был любимцем умудренного опытом Василия Ивановича Васи́ка, оператора ВНИИ Геофизики и чаще других сидел за пультом первой ПСС-ки. Нет, немногие выпускники вступали на эту коварную операторскую стезю, а если и вступали, то недолго шли по ней. На этих местах обычно сидели практики, у которых просто не было других вариантов. Но я твёрдо решил встать на эту тропу, и провидение в этот день было на моей стороне, и я получаю место оператора в Ханты-Мансийской сейсмопартии или просто в Ханты-Мансийской с/п. В эти годы рабочими полевых сейсмических партии Сибири, как

правило, были бывшие ЗК и всё это вместе означало, что мне предстояло проводить экстремальные работы в экстремальных условиях с экстремальным контингентом. Я сажусь на переживший свой век колесный пароход и шлепаю до Ханты-Мансийска. Нет, шлепаю по воде, естественно, не я, а пароход своими огромными колесами с лопастями – чоп-чоп-чоп и опять чоп-чоп-чоп и так сначала по Туре, а потом по Иртышу до самых Хантов., а вернее, до Самарово. Самарово – это речной порт – речные ворота, или спутник Хантов. Здесь, кроме порта находится большой рыбоконсервный комбинат, ну и вообще все присущее любому такому поселку – баня, школа и клуб с танцами по выходным дням, Сами Ханты раскинулись выше на крутом берегу на холмах на высотах с альтитудой порядка 100м. над уровнем Иртыша. С Хантами посёлок соединяли 5 км. шоссейной дороги, по которой в осенне-зимнюю распутицу курсировал только гусеничный транспорт. В партии меня встретили со сдержанным оптимизмом. Сюда ехали мало. Ни Ханты, ни сейсморазведка не были в моде. В моде была Москва с её разными НИИ, в моде была электроразведка и радиоактивные методы поисков урановых месторождений. Начальником партии был ироничный умница – Марк Ефимович. Бинтик, а старшим интерпретатором была его изящная и элегантная жена – Лина Павловна Шпрот. Меня поселили в небольшом закутке с занавесками вместо дверей в том же доме, где была аморалка, и на следующий день сразу же отправили в первый полевой отряд КМПВ к Василию Терентьевичу Высоцкому. Это был оператор-практик и это был профессионал высокого класса, который прекрасно разбирался во всем, что касалось полевой сейсморазведки. Первый день я сижу рядышком с В.Т. и мы принимаем сейсмограммы КМПВ или сейсмограммы корреляционного метода преломленных волн – когда пункты взрыва находятся на десятках км. от линии приема и чем дальше они находятся, тем с больших глубин приходят преломленные волны, которые несут информацию о глубинных структурах земли. Но вот наступает второй день и В.Т. неожиданно предлагает мне сесть на его место за станцией, а сам садится в стороне. И я понимаю – это подстава. На кону моя операторская карьера и труд десятка рабочих буровиков, взрывников в осеннюю промозглую погоду, и полсотни килограммов тротила. И сейчас хотят показать всем, чего стоят эти бумажные инженеры. А может, это была такая школа обучения – когда щенка бросают в воду. Но щенок выплыл... Так началась моя карьера оператора СС или оператора сейсмостанции в Западной Сибири.

4. Ниндзя.

Мы заканчиваем отстрел КМПВ, заканчиваем полевой сезон и возвращаемся на базу в Ханты, а я отправляюсь в камеральное бюро партии или просто в аморалку – знакомиться с обработкой и интерпретацией полевых материалов в партии. Проходит пару дней и меня вызывают, и знакомят с Еленой Владимировной Коровяцкой, оператором второго летного отряда партии, который выполнял точечные сейсмические зондирования. Е.В. была уникальная женщина. Это была, насколько я знал, единственная женщина-оператор СС в истории суровой тюменской сейсморазведки, и это была профи высокого класса. Это была невысокая миловидная женщина – всегда ухоженная, спокойная и ироничная. Она была элитой Тюменской сейсморазведки и под нее проектировали работы. За ней охотились начальники партий, но доставалась она только самым авторитетным и пробивным. И мне предлагают полетать вместе с ней на выполнение точечных сейсмозондирований (ТЗ) в центральной части Западной Сибири! Надо сказать, что именно с ТЗ было связано маленькое чудо, которое я сотворил при окончании института.

Дело было в том, что во время моей летней преддипломной практики в партии ВНИИ Геофизика в районе Берёзова мы отработали небольшой сейсмический профиль по Оби именно с помощью ТЗ и убедились в возможности применения их для выделения и прослеживания сейсмических границ. И вот зимой, обдумывая тему своего диплома у меня неожиданно появилась идея предложить сейсмические ТЗ с использованием воздушного транспорта для построения предварительной структурной карты центральной части Западносибирской платформы. Мой рецензент – начальник Главка сейсморазведки А.И. Богданов, не понял ни меня, ни мой смелый диплом и, к моему огорчению, поставил мне только ХОР. А это, по канонам защиты дипломов, был приговор!

И вот, я уже сижу со своей институтской группой в аудитории МГРИ на Моховой. Идет защита наших дипломов. Я – последний на сегодняшней защите. Передо мной закончил свою защиту наш комсорг, Игорь Яковлев. Гос. Комиссия сейчас обсуждает его защиту, а я, не теряя времени, с помощью моих товарищей развешиваю на стендах свои плакаты и ватманы с сейсмограммами и диаграммами и возвращаюсь на своё место. У меня потеют руки. Сосёт под ложечкой. Это волнение. Волнение спортсмена перед решающим стартом. И, к тому же, я сам себе усложняю жизнь. Я решил биться до конца за свои идеи! Но это – сверхзадача. Опровергнуть во время защиты оценку рецензента, да еще, выставленную начальником Главка сейсморазведки страны – ну так – это просто высший пилотаж! И вот я уже стою перед Государственной Комиссией. Один против 8-ти ученых мужей и одного представителя Министерства. За окном – яркое майское солнце и в аудитории немного душновато. Некоторые держат в руках свежие утренние газеты у лица, скрывая одолевающую их зевоту. У меня 15 минут для выступления. Я должен захватить всё внимание Комиссии на это время и обрушить на неё свои тезисы. Я начинаю решительно и уверенно.

Звучит первый тезис. Стране нужны новые нефтегазоносные провинции. И газовый фонтан из Березовской опорной скважины в 1953 году обещает нам, что именно Западная Сибирь с её необъятной территорией должна стать этим новым нефтегазоносным Клондайком страны. У комиссии просыпается интерес, а я прибавляю темп и перехожу ко второму тезису. Геохронологические и петрографические исследования этой территории в целом говорят о том, что в процессе своего развития этот регион неоднократно подвергался трансгрессии и регрессии древних морей, которые привели к чередованию морских и континентальных отложений в мощной мезо-кайнозойской толще Зап. Сибирской платформы. В то же время богатая растительная фауна, древние микроорганизмы и влажный теплый климат благоприятствовали для образования УВ непосредственно на самой территории Западносибирской платформы. Далее звучит следующий тезис. Отсутствие интенсивных тектонических движений, с одной стороны, гово-

рит о том, что не было серьёзных предпосылок для серьёзной миграции сформированных залежей УВ в соседние регионы, а с другой, о наличии благоприятных условий для образований унаследованных структур, являющихся идеальными ловушками для УВ. В аудитории стоит напряженная тишина. Все захвачены моим выступлением и перспективами нефтегазоносности Зап. Сибири. Анализ имеющихся сейсмических материалов показывает, что такое спокойное чередование циклов осадконакопления на данной площади привело к формированию уникальных сейсмогеологических условий на большей части территории Зап. Сибири. Так, внутри толщи мезо-кайнозойских отложений имеются протяженные сейсмические отражающие горизонты, приуроченные к геологическим границам с выдержанными динамическими характеристиками. И вот уже звучит последний тезис. Эти уникальные сейсмогеологические условия позволяют начать широкомасштабные поиски и разведку залежей УВ на территории центральной части Западносибирской платформы на основе детальных сейсмических исследований. Однако этой детальной сейсмической разведке должны предшествовать рекогносцировочные работы для выбора перспективных площадей. В качестве таких работ могут служить площадные ТЗ или точечные сейсмозондирования с помощью АН-2, которые предлагаются в настоящем дипломе и которые снимают все ограничения сейсморазведки в Зап. Сибири, связанные с её труднодоступностью, поскольку её многочисленные озера являются идеальными посадочными площадками и зимой, и летом.

Следует небольшая пауза. Я успеваю немного отдышаться. И на меня тотчас обрушивается шквал вопросов. Простые, сложные, каверзные, “на засыпку”. По тезисам, по плакатам, по диаграммам, по скважинам. Вопросы сыпается со всех сторон. Проснулся дар речи даже у представителя Министерства, до этого молчавшего как рыба. Мой диплом выворачивают наизнанку, пытаюсь найти прорехи. Я понимаю, что если меня сейчас сомнут, а я ещё буду упорствовать, то меня просто посадят на место и поставят ненавистный ПОС. Но во мне уже проснулся боец и я чувствую себя настоящим ниндзя, который ведёт бой против восьми ученых мужей и одного представителя Министерства. Я верчусь как юла с указкой у стендов с моими плакатами и диаграммами и отбиваю вопросы. Идут минуты напряженного противоборства – 5, 10, 15, 20... Но вот уже Председатель Комиссия, декан нашего факультета – профессор Тархов А.Г. вытирает платком пот со лба, а я иду на своё место, сопровождаемый дружеским пожатием и шёпотом одобрения моих сокурсников по группе, которые за трудные и долгие студенческие годы стали для меня родными братьями и сестрами. У нас была интернациональная группа – РФ-52-4. В ней были студенты из Албании, Болгарии, Венгрии, Чехии и Румынии. И, мне кажется, что мы все, независимо от пола и расовой принадлежности, любили друг друга какой-то своей особой студенческой любовью. Мы были одной дружной семьёй – без ссор и обид.

Через пол часа мы опять в аудитории. Звучат фамилии моих товарищей с оценками. А вот и я – Шарафутдинов М – ОТЛ! Всё! Я сделал это! Два дня я ходил под впечатлением своей защиты и мне казалось, что теперь я смогу переплыть даже Ледовитый Океан! И не думал я, что через два с лишним года я действительно буду купаться, если не в самом Ледовитом Океане, то, по крайней мере, в ближайших его окрестностях. Моя успешная защита открывала мне дорогу к Красному Диплому. И мне нужно было только пересдать пару троек, затесавшихся в моей зачётке ещё с первого курса. Но я не был настолько тщеславным студентом, чтобы переживать из-за цвета своего диплома. И слава Богу! Неизвестно, какую тогда свинью подложил бы мне В.Т., и справился ли бы тогда я с ней.

5. Сейсмондирования на Аннушках.

Мы летали на зеленых Аннушках – бипланах АН-2, за штурвалами которых сидели асы Тюменской авиагруппы – всегда элегантные и уверенные в себе мужчины и имевшие специальный допуск на такие работы. И они могли посадить свои винтокрылые лайнеры на любом, пятачке и в любую погоду. Они лихо приводнились на одном из многочисленных озер, и мы сходу подруливали к берегу. На берегу уже все было готово к работе – приемная линия и заряженная скважина. Я выскакиваю из Аннушки и бегом подсоединяю станцию к приемной линии, а Е.В. дает команду “Огонь” и принимает сейсмограмму, и мы летим на следующее Т.З. Она работала на такой же серийной СС-26 51Д, как и В.Т., но похоже никаких поросят она мне подкладывать не собиралась. Да и зачем это было ей. Но, и к станции она меня не подпускала – она ревностно охраняла и блюла свою операторскую честь. Я крутился около неё и ловил каждое её слово, совсем как та собачонка, которая заглядывает в рот хозяину и готовая принести свою поноску сразу, куда бы он её ни забросил.

Но вот осень заканчивает свой короткий сибирский бег. Рыба на озерах уходит на глубину. Рабочие на точках жалуются на осеннюю сырость. Мелколесье окружавшие наши озера сбрасывают свои багрово красные наряды и готовятся укрыться под белыми пушистыми одеялами зимы. А наши Аннушки едва не сталкиваются с клиньями курлыкающих журавлей, улетающих на юг. И мы прекращаем летать. Я опять иду к Лине Павловне и меня опять через пару дней вызывают в контору партии и посылают в Москву во ВНИИ Геофизика получать шведку или Шведскую портативную переносную сейсмостанцию, которую Институт передавал на баланс нашей с/п для выполнения зимних Т.З. во втором летном отряде нашей партии, который был образован из отряда В.Т. Я со своим техником получаю шведку, которая к тому времени уже походила по рукам и побывала на заводе “Нефтеприбор” при разработке отечественных ПСС-24 и ПСС -60. Мы возвращаемся в Ханты, сопоставляем записи шведки и стандартной СС-26 51Д, и шведку с оговорками допускают к зимним работам партии в паре с СС-26 51Д, на которой работала Е.В. Высоцкий по болезни отказывается от лётных работ и меня назначают оператором во второй лётный отряд.

Приходит долгожданная зима. Озера покрываются зеркальной гладью льда, затем покрываются снегом и с нетерпением ждут нас после почти месячной разлуки. Мы все, кроме конторы и камералки, перебазировемся в районный центр Уват, где припасли горючее для наших винтокрылых Аннушек. Вскоре они прилетают из Тюмени, уже обутые в свои зимние лыжи и готовые снова посадить нас на свои надежные зеленые крылья. И я начинаю свой первый зимний операторский сезон.

Шведка не продемонстрировала свое европейское качество. Взаимные наводки на первых вступлений каналов портили внешний вид сейсмограмм, а неуверенная работа лентопротяжки могла вызвать нервный срыв у оператора. К тому же, по своей динамической выразительности, она уступала СС-26 51Д, которая, наверное, так и осталась непревзойденным эталоном регистрации сейсмических колебаний для операторов старших поколений. Других станций у нас под рукой не было, и мы довольствовались тем, что есть. Нам надо было летать, активировать условные точки и осваивать те громадные лётные деньги, которые были заложены в проекте на наши работы. – в противном случае, партия рисковала остаться без денег на будущий год. И мы летали, и летали: посадка – взрыв – взлет и снова посадка – взрыв на следующем Т. З. Иногда в хорошую погоду, удавалось сделать до 5-6 Т.З. Особых операторских ухищрений при этом не требовалось. Если материал был – трудно было его не получить, а если материала не было – трудно было его получить. Мы с Е.В. летали, а Лина Павловна по нашим Т.З. строила первые структурные схемы опорных отражающих горизонтов центральной части Западной Сибири – будущего нефтяного Клондайка России.

6.Провальный роман.

Мое пребывание в Увате, помимо работы, мне так ничем и не запомнилось. Вот, разве только, не считать двух связанных между собой курьезных историй, случившихся здесь со мной. Самое смешное, что в каждой из них я оказался в двух совершенно противоположных ипостасях. В первом случае – это была отчаянная рукопашная с немецкой овчаркой, и здесь я пострадал за свое грубое обращение с ней, а во втором случае – это был настоящий любовный облом, когда из-за моей чрезмерной нежности из моих объятий сбежала моя подруга.

Впрочем, всё по порядку. В один из Уватских дней меня попросили занести по дороге пакет начальнику Уватской партии разведочного бурения Ивану Федоровичу Морозову, переданный ему из Хантов. Открываю калитку его дома, захожу в палисадник и подхожу к крыльцу, а из-под него на меня в полном молчании бросается внушительная немецкая овчарка – а я на неё. Мгновенный удушающий захват правой бывшего самбиста Московского СК” Динамо”, чья звездная карьера завершилась разрывом коленных связок и окончанием института, и мы уже оба барахтаемся в глубоком снегу. Пёс своей крокодильей пастью пытается отхватить мне голову или, на худой конец, мой нос, а я – довести до логического конца свой удушающий захват. Меня спас воротник моей овчины, а пса – её хозяин, который вышел на крыльцо и жестко отчитал меня за мое нечеловеческое обращение с его любимцем. Я вручил ему пакет и быстро помчался в районную больницу пришивать мой болтавшийся полу откусанный большой палец правой руки пока я его совсем не потерял. Моим пальцем занялась молодая женщина – хирург. К счастью, она успела вовремя пришить мой неотканый палец на своё место. А я в благодарность отпустил ей комплимент. А потом мы посмотрели в глаза друг другу. А потом мы улыбнулись друг другу и стали друзьями. И я радостный вприпрыжку побежал к себе на квартиру.

Я стал регулярно навещать Марию, так звали мою новую подругу. Она размещалась в квартире, не стандартного формата. Вернее, в комнате не стандартной планировки, образованной с помощью фанерной перегородки из коридора коммунальной квартиры. Это была сибирячка, необычной породы – черноволосая и черноглазая. Хотя я всегда больше тяготел к девушкам более светлой окраски, я быстро привязался к ней. Наши отношения развивались как вялотекущий процесс без особых обострений. Её нестандартная квартира с фанерной перегородкой не сулила нам ничего хорошего в перспективе, и я не спешил форсировать события. Она прекрасно готовила и была прекрасным собеседником. Мы набивали наши рты огромными пельменями и пускались в отчаянные дискуссии. Она была молода, неискущённо, и её безумно интересовали взаимоотношения полов, психология мужчин и особенно её тайные стороны, которые мы – мужчины используем для обольщения женщин. И всё это она хотела узнать из первых уст, то есть, от меня. Я охотно делился с ней своими соображениями на этот счет и стучал на мужиков, хотя, честно говоря, сам не особенно разбирался во всём этом. И вообще, по мне, обе половины человечества были на одно лицо и мало чем отличались друг от друга, ну вот, разве только, чем-то там – внизу!

За стукачество и предательство мужских интересов меня в неограниченном количестве кормили сибирскими пельменями со сметаной и позволяли некоторые нежности..., но в определенном формате и в ограниченном количестве. Но вот однажды мы с Марией увлеклись этими самыми нежностями и слегка выскочили из их привычного формата. А она! А она в одном исподнем выскочила из моих объятий в 30-ти градусную январскую полночь на центральную улицу Увата и как оголтелая помчалась по ней, визжа как недорезанный поросенок. А я за ней! Я чуть не умер от стыда и позора. Хотя, чего была нужна умирать то? Ведь со стороны, всё это выглядело всего лишь как обычные пьяные сибирские семейные разборки. Да, к тому же ещё, без топора. Я кое-как догнал и остановил её, потом обнял, поцеловал и пробормотал что-то ей на ушко про загс. Мы вернулись в её фанер-

ную квартиру, но пельмени мне в рот уже не полезли. Наши отношения начали увядать и вскоре засохли. Вообще, этот казус с Марией мне многое прояснил в моих будущих отношениях с женским полом, который для меня, если, по-честному, так и остался величайшей загадкой. Я так и не понял – что они исповедуют и чем они руководствуются? Я понял только одно. Что для меня они будут иглой, с которой я не слезу до своего последнего вздоха. И ещё я вспомнил, что Мария как-то обмолвилась, что её мать воспитывалась в старообрядческой семье.

7.Таинства Конды.

Апрель 1958г. и вот уже под полозьями наших Аннушек появляется влажная лыжня, а это значит, что им надо возвращаться к себе домой в Тюмень, ждать летней воды и переобуваться в летнюю обувь. – гидро-понтон. И мы все снова возвращаемся в Ханты. Я сижу в камералке над сейсмограммами, и тут за окном начинает звучать:” Ледоход! Ледоход!” Я бросаю сейсмограммы, выскакиваю наружу и бегом к Иртышу.

Ледоход на Иртыше.

отпечаток этой божественной красоты – красоты таёжной сибирской при-

роды.

Река Конда ХМНАО.

Начальником партии у нас был некто Щербицкий, интеллигентный товарищ, только что приехавший на летние заработки в экспедицию с юга. Он, конечно, не знал, это мировое Шмелёвское know how – речную сейморазведку, но, похоже, хорошо знал, что не надо мешать людям работать. Постепенно наша работа налаживалась, мы набирали темп работ, повышалась наша производительность. И я, дитя юга, которому по гороскопу было строго предписано жить

около фонтанов, не мог оторваться от воды. Я прыгал в воду при каждой возможности. В свободное от работы время с нашей плавучей баржи-общежития, а при работе во время технических пауз прямо с катера, который буксировал боны и где стояла наша станция. Я прыгал за борт катера, хватался за болтавший фал, чтобы меня не унесло течением и предназначенный специально для таких моих забав, забирал в легкие воздух и, как Жак Кусто, погружался в глубины Конды насколько мне позволял фал. Израсходовав запас воздуха, я выныривал из воды, пулей взбирался по фалу на борт я был готов к работе. Нет, не по 24 часа в сутки, а по 36 или 48 часов. Мы работали в две смены и мой сменщик – старше меня Витя Вахрушев из Свердловского Горного с трудом переносил сырую прохладу Конды, и в таких случаях я был вынужден заменять его. Но мне это было не в тягость. Я был молод. Я был здоров. Кругом была моя любимая вода, вокруг стояла девственная тайга, у меня была любимая работа, вот только, рядом не было любимой – но это уже был бы перебор. Мы работали по простой схеме. Свинцово-серого цвета катер из серии Ярославец буксирует 500 метровую колбасу бонов с приемной линией на очередную стоянку и бросает якорь так, чтобы с максимальной точностью установить первый канал приемной линии напротив вешки пикета взрыва, установленной на берегу. Помощник взрывника завозит и бросает заряд с прикрепленным буйком. И как только буюк достигает створа топографической вешки я даю команду “Огонь” и регистрирую сейсмограмму, контролируя качество записи в окошке осциллографа, То же самое повторяется с удаленным ПВ, и мы переезжаем на следующую стоянку. При работе по такой схеме мы отрабатывали порядка 20 стоянок за смену. Но, когда мы ловим кураж, капитан Ярославец для первого взрыва не бросает якоря, а только глушит двигатель, а для второго взрыва только слегка подтягивает боны. Но такая работа требовала от взрывников дополнительного напряжения, и я не злоупотреблял этим. Ну и, кроме того, наш речной профиль был ограничен районным центром Нахрачи и мне вовсе не хотелось раньше времени прерывать свой речной кайф. Раз два, к нам наведывались ребята из Рыбнадзора, но убедившись, что наши работы не грозят полному уничтожению рыбных богатств Конды, тихо восвояси уезжали, не забыв при этом на посошок распить с партийным начальством, которое в таких случаях всегда присутствовало в отряде, бутылку армянского коньяка и закусить её только что свежее-подорванной поджаренной стерлядью в томатном соусе и с маринованными огурчиками из ближайшего сельпо. Кончается июль. Белые ночи начинают чернеть, и партия переходит на односменную работу, а мой Витушка уезжает готовить новую партию к зимнему сезону, по слухам, уже в качестве начальника. Я один достреливаю наш проектный профиль, и вот мы уже всем отрядом в качестве культурной программы плывем в Нахрачи. Едва наш Ярославец касается причала мы все бросаемся на берег и как оголтелые бежим по деревянным мосткам тротуаров в промтоварный магазин. С выпученными глазами врываемся в магазин, а там – мать честная, весь магазин завален китайскими свитерами: красные – белые – синие – оранжевые, мужские – женские – детские, каких только фасонов нет. Я выбираю три женских свитера и отправляю в Ташкент своей матери. Это был мой первый подарок моей матери на заработанные мной деньги. Через год я отправил её путешествовать по Индии, а ещё через год в круиз вокруг Европы. Я платил по счетам моей матушке за её бессонные ночные дежурства в клинике и за дополнительные ставки, которые она брала, чтобы обеспечить мою комфортную студенческую жизнь в Москве. А за её бездонную материнскую любовь?

8. Прости меня, Мама... мамочка

Последние годы я не часто навещал свою маму. А если, по-честному, то просто редко! Но когда я приходил к ней, она сразу преображалась и начинала светиться. Она начинала хлопотать вокруг меня и не знала, как только угодить мне. Она, уже старенькая и немощная, была готова опять посадить меня на свои старческие колени, крепко, крепко прижать меня к своей груди...и целовать... и целовать... и целовать...

А я – вечно куда-то спешил...украдкой смотрел на часы и считал минуты, когда я смогу уйти от нее. И вот теперь – когда её нет, оглядываясь назад сквозь годы, я отчётливо понял, что никто, никто, в моей жизни – даже близко, не любил меня так, как любила меня моя мать –так беззаветно, так бескорыстно, так безропотно. А я равнодушно шел мимо – и даже не пытался ответить ей на её Великую Материнскую Любовь. Которую она несла мне всю свою жизнь сквозь годы, сквозь испытания, до самых последних дней своей жизни. Прости меня, Мама! Прости меня, Мамочка! Прости меня – за всё! Но нет моей мамы! Нет моей мамочки. И некому ответить мне и сказать –“Я тебя прощаю, мой золотой -Мой золотой сынуля!”

9. Отец.

Моего отца – Махмудходжаева Нуретдина Председателя Госплана Узбекской ССР расстреляли по приговору Военной коллегии от 4 октября 1938года.

Вся страна была залита кровью. Страна опьянела от крови и в пьяном угаре расстреляла миллионы своих сыновей и моего отца. А через десятилетия начинает амнистировать свои жертвы и искупать свои преступления.

Когда началась волна арестов в Ташкенте, связанная с делом тогдашнего Председателя Совмина – Файзуллы Ходжаева, мы все – отец, мать и я находились в Москве. Отец был слушателем Плановой Академии, мать была в ординатуре одной из Московских нервных клиник, а меня опекала няня. Друзья предупредили моего отца, чтобы он не возвращался. Но он не послушался. Он рвался к своим друзьям, чтобы в трудную минуту быть с ними. И он – вернулся. И его тотчас арестовали.

Мать, избегая возможного ареста, тотчас же выехала в Башкирию к родственникам и там оставила меня в глухой Башкирской деревне, а сама через некоторое время вернулась обратно в Ташкент. Но она уже ничем не могла помочь отцу и в отчаянии бродила вокруг стен Таш. Тюрем, где находился отец вместе со своими друзьями и товарищами.

Так прошёл год. Но вот однажды молодой охранник, который уже давно обратил внимание на молодую женщину, которая регулярно стояла у проходной с передачами, глядя в сторону, сказал моей матери – “Ханум, ему уже больше ничего не надо”.

После расстрела отца мать оказалась в безвыходном положении. Дом – конфискован. Жить – негде. Средств и работы – нет. За тысячи километров – ребёнок. И все шарахаются от неё, как от чумы.

10. Отчим.

И она, преодолевая себя, в отчаянии выходит замуж за Шарафутдинова Салиха – майора ГБ, героя Гражданской войны с орденом Боевого Красного Знамени на груди – орденом высшей воинской доблести, который в одну секунду снимает все её проблемы и в ту же секунду ради молодой красавицы жены ставит крест на своей блестящей гебешной карьере – он взял в жёны жену репрессированного.

Мать обманывает органы ЗАГСА, и я становлюсь Марленом Шарафутдиновым и только после амнистии отца я снова становлюсь Гайратом Махмудходжаевым.

Отчим вернулся с гражданской войны с расстроенной психикой. Он был психопатом, и когда я его доставал своим непослушанием, он в ярости бросался на меня, готовый размазать меня по стенке. Но я стремительно проскакивал одну дверь – вторую – третью, выскакивал на террасу, по её барьеру проскакивал за перегородку на соседнюю террасу и кубарем скатывался со второго этажа вниз.

Но однажды я не успел выскочить на террасу, и он загнал меня в угол на кухню. Я бросился под железную кровать. А он в ярости начал пинать меня под кроватью ногами. И своими начищенными до блеска гебешной сапогами разбил мне голову. А я на следующий день с гордым видом пришёл в класс, как герой войны с забинтованной головой. Я стал ненавидеть своего отчима всеми фибрами детской души сразу после его первого рукоприкладства и никогда не называл его папой, и вообще, не разговаривал с ним. Но отчим не был злопамятным и в нормальном состоянии не гнобил меня, ну и, кроме того, за моей спиной всегда стояла мать. Но именно своему Отчиму я обязан тому, что в классе у меня была кличка “американец”, а не – “враг народа”, и, что я начал жизнь без этого страшного клейма – “сына врага народа”.

Прости меня, Папа, что я так поздно – только сейчас понял, как много ты для меня сделал и как многому я тебе обязан. Я вернул свой сыновий долг только в его последний час. В его последний час я бережно обмыл каждую складку его уже почти невесомого тела – тела бывшего Командира Особого дивизиона по борьбе с басмачеством, который в жестоких схватках страшным ударом клинка разрубал своих противников от плеча до промежности. Его хоронили как Героя – под звуки траурного марша и ружейные выстрелы.

11. Рандеву...

Май месяц 1945 года. С брусчатки Красной площади Москвы ещё не убраны знамёна и штандарты разгромленных немецких дивизий, оставшиеся там у мавзолея после парада Победы. Ещё по всей стране не смолкли рыдания жён и матерей, не дождавшихся возвращения своих мужей и сыновей. Но страна спешит забыть ужасы 4-х военных лет. Страна спешит начать мирную жизнь, и вот она уже начинает готовится к празднику силы, молодости и красоты – к Всесоюзному параду физкультурников в Москве.

Я и несколько других моих однокашников вместе с преподавателем физкультуры школы №50 им. Сталина Ташкента Владимиром Ивановичем Дронским идём из школы в тогдашний спортзал “Динамо” на кастинг детской группы спортивной делегации Уз. ССР на парад физкультурников в Москве. В спортзале всех нас соискателей сначала построили, тщательно осмотрели и ощупали с ног до головы, а затем заставили каждого выполнить нехитрые гимнастические упражнения, промаршировать, поворачиваться направо – налево и кругом. Через несколько дней моей матери сообщили, что меня зачислили на сборы по подготовке участников к параду и когда, и куда, и с чем надо меня привести. Кроме меня, в детскую команду участников попал и мой однокашник из 4” А” – Тельман Халдаров – сын культовой Мукаррам Тургунбаевой. Мать отвела меня в тогдашнее Пехотное училище на Пушкинской площади, сегодня это Высшее командное училище, где уже целый месяц готовились взрослые участники парада. Потекли напряженные и однообразные дни подготовки к параду. Подъём, зарядка, завтрак. А потом целый день в зале мы занимались на гимнастических снарядах и до одурения разучивали упражнения, которые наша детская группа готовилась выполнять в Москве. В нашей детской группе было поровну 12 мальчиков и 12 девочек. Девочки все были хорошенькие как куколочки и в одну из них – Венеру Ризаеву я сразу влюбился с первого взгляда первой мальчишеской любовью. Спустя некоторое время, мы начинаем уже участвовать в построениях и гимнастических упражнениях, которые выполняла взрослая команда нашей спортивной делегации. Эта команда состояла, примерно, из 200 с лишним участников и там были уже взрослые юноши и девушки. Мы все готовились на футбольном поле училища, которое было превращено в плац для подготовки нашего выступления в Москве. Мы вместе с взрослыми целыми днями под палящим летним солнцем маршируем и упражняемся на плацу, а в свободное время я занимался на гимнастических снарядах и грезил о далёкой и очень желанной Москве, которая с каждым днём становилась всё ближе и ближе ко мне.

Но вот однажды днём, когда я болтался на брусках, меня находит наш воспитатель и говорит, чтобы я собрал свои вещи, потом берёт меня за руку и отводит домой. Дома он говорит моей матери, что меня отчислили со сборов, “потому... потому ... что я много ем.” Приходит отчим. И мать передаёт ему слова воспитателя.

И тут отчим делает то, что сделал бы только, разве, мой родной отец.

Утром он до блеска начищает свои гебешные сапоги, надевает свой парадный китель подполковника ГБ с орденами Ленина, Красного Знамени и несколькими медалями. Потом берёт за руку своего неоднозначного пасынка, и я с отчимом в одной руке, и со своим чемоданчиком в другой снова иду в Ташкентское пехотное училище, откуда меня привели только накануне. Там отчим заходит к начальнику сборов, а я остаюсь у дверей. Через пару минут они выходят вдвоём и уходят, а я продолжаю стоять. Через некоторое время ко мне подходит мой воспитатель, и отводит меня в команду на моё прежнее место, и я продолжаю готовиться к Празднику Силы, Молодости и Красоты – Всесоюзному Параду физкультурников в Москве.

Заканчивается июль. Позади два месяца неистовой до одурения и потери сознания подготовки к параду под палящим летним солнцем на плацу Ташкентского Пехотного училища и наша детская команда в полном составе вместе со всей делегацией едет на поезде в Москву.

Я тоскливо смотрю в

окно со второй полки плацкартного вагона скорого поезда Ташкент-Москва на проплывающий мимо унылый безрадостный пейзаж. Бесконечные песчаные барханы. Редкие заросли саксаула. Чахлые кустики “верблюжьей колючки.” Штабеля снегозащитных заграждений. Одиночные погребальные сооружения. Застывшие как статуи верблюды. Полустанки с полуразвалившимися постройками и унылыми безрадостными лицами жителей. Наступило утро четвёртого дня, я по привычке выглянул окно и тут же зажмурился от неожиданности. Передо мной ожили картинки и образы моего далекого детства. Вот, та самая – “в лесу родилась ёлочка, в лесу она росла”, которая росла вместе со мной и вот теперь превратилась в красавицу ель, от которой невозможно оторвать глаз, стоит вместе со своей подружкой белоствольной берёзой на виду у всех на опушке леса. А вот лесная чаща, из которой вот-вот выскочит бурый волк с молодой царевной на своей спине. А там, в чащобе, скрывается избушка на курьих ножках с Бабой Ягой.

В Москве нашу делегацию разместили в Лефортовских Казармах. Там же на плацу мы продолжили свою подготовку к параду. Кроме того, у нас были две или три репетиции непосредственно на самом стадионе “Динамо”, где мы должны были выступать в день открытия Парада. 12 августа 1945 года. Вот тот момент, к которому мы готовились всё лето. Мы с взрослой командой выбегаем на зелёное поле стадиона “Динамо” и занимаем исходные позиции. Взрослая команда встаёт на свои позиции по всему полю и начинает выполнять построения и пирамиды, а мы начинаем свои упражнения в центре, как раз против центральной трибуны с ложей почетных гостей. У нас у каждого в руках искусственный кустик хлопка, с которым мы выполняем свои упражнения и перемещаемся вокруг гимнастической пирамиды, имитирующей распускающуюся коробочку хлопчатника, из которой должна появиться прекрасная Царица хлопка. Вот пирамида коробочки хлопчатника начинает распускаться, а я стою и выполняю свои упражнения как раз напротив гостевой ложи. Я автоматически выполняю упражнения и бросаю взгляд на гостевую ложу и вижу... Я вижу до боли знакомое лицо..., которое смотрит на меня... и улыбается...мне – мальчику из далёкого Узбекистана, который приехал сюда в Москву, чтобы передать ему тепло и любовь своего народа.

12. Пол раскладушки с горячим телом.

Я возвращаюсь в Ханты сначала в камералку, а потом Биншток М Е, уже главный геолог Ханты-Мансийской комплексной геофизической экспедиции, сажает меня писать проект зимних площадных работ для двух отрядной с/п., и я начал писать проект. Но вот однажды, выходя из своего жилья, я увидел молодых девушек – не местных, в соседнем доме, а моя хозяйка сказала мне, что это студентки-практикантки, кажется, из Перми. Через пару дней одна из девушек, вероятно, самая бойкая, забежала ко мне и пригласила меня на чай, мы познакомились и наши чаепития стали частыми. Они были из Пермского Гос. Университета и заканчивали свою летнюю геофизическую практику в нашей экспедиции. Обычно после чаепития одна из девушек, это была стройная черноволосая Лида Лабудина, доставала гитару и приятным низким контральто начинала нам петь. Она садилась около меня и, глядя мне в глаза, начинала с профессиональным надрывом исполнять “Очи черные”, и вскоре я понял, что эта девочка не равнодушна ко мне и готова ринуться за мной хоть в огонь, хоть в воду. А так ли это! И я ринулся. “Что – в огонь! Еще что! Я, может, и с приветом – ну не так же!” Я ринулся в холодную темень осеннего стремительного Иртыша – а она за мной. Нас чуть не затащило под огромную тёмную баржу, стоявшую на рейде Самарово. Но мы вовремя спохватились и успели выскочить из-под неё. Мы выскочили на берег. Скинули с себя холодные, мокрые купальники и начали отжиматься. Она стояла передо мной – обнажённая и смотрела мне прямо в глаза, а я стоял, опустив голову, и чуть с ума не сошёл от желания бросить взгляд на эту несусветную красоту обнажённого девичьего тела.

И я понял, что скажи я этой девочке:– “Останься!”, и она бросит все, и забудет всех – родных, друзей, чтобы только быть со мной и получить половинку моей раскладушки с моим молодым горячим телом в моем закутке с занавесками вместо дверей. Удивительные создания – эти женщины с их великим инстинктом материнства, и которые сродни тем птичкам, которые готовы вить свои гнёздышки хоть на проезжей части скоростных автобанов.

13. Любимая женщина Ширака.

щебра и добра Жизнь, и как же Ты коварна и

жестока.

Татьяна Самойлова и Пабло Пикассо

14. Вселенское чудо.

Но вот уже, опять побежденный и укрощенный Иртыш покорно несёт свои воды под ледовым панцирем – но только до весеннего майского тепла, а там, взломав всю эту ледовую мишуру, он снова выскочит на простор и снова покажет всем всю свою мощь и удаль. А пока, я с Василием Терентьевичем идем по намороженной переправе на левый берег Иртыша на лесокомбинат смотреть балки, приготовленные для той самой зимней партии, для которой я писал проект. В.Т. назначен начальником этой двух отрядной партии, а я – оператором первого отряда. “Свершилось! Я добился своего! Я – оператор зимней партии, тех самых партий, про которые мне рассказывали всякие небылицы всего лишь год назад в Тюмени. “Ну что ж... Будем смотреть. Так ли это?”. Поднимаемся на левый берег Иртыша и направляемся в сторону лесокомбината. Видим группу людей и слышим натужный звук тракторных двигателей. Подходим ближе. Обычная зимняя картина – маленький “детешка” – трактор ДТ-54 застрял в снежной яме, а мощный С-80 пытается выволить его оттуда. Мы останавливаемся, и я подхожу поближе. Перед моими первыми зимними работами мне ужасно интересно узнать, как вытаскивают трактора. Уже темнеет, и свет тракторных фар, и натужный рев тракторных двигателей будоражат мое воображение. Все попытки вытянуть засевший трактор тросом в натяг кончаются безрезультатно – С80 буксует на месте. Решают вытащить рывком. С-80 сдает немного назад, трос провисает, затем он включает вторую или третью скорость и прибавляет газ. Трос на мгновение натягивается как струна, затем серьга на конце троса соскакивает со штыря форкопа детешки, и со сверх световой скорости по кривой вместе с тросом пролетает над нашими головами, и в то же мгновение с моей головы, как бы невзначай, слетает сидевшая небрежно на ней ушанка – заяц под котик. Я машинально наклоняюсь, поднимая свалившуюся ушанку, делаю несколько шагов и тут до меня доходит, что мой заяц под котиком. свалился не по своей воле, а был сбит с фантастически ювелирной точностью серьгой, соскочившей с форкопа детешки. “Хорошенькое начало! А что же будет дальше?” – подумал я и догнал В.Т. Я был заклятым атеистом, блистал на философских семинарах по диамату и не верил в никакую чушь дурных предзнаменований. А ведь зря!

Споры о газо-нефтеносности Западной Сибири велись давно, но только газовый фонтан в 1953г. из опорной скважины в таёжном северном поселке Березово поставил точку в этом вопросе. В том самом Берёзове, где после смерти Екатерины первой доживал и ссыльные дни, и жизнь Русский Государственный и военный деятель, ближайший сподвижник Петра1 князь Александр Данилович Меншиков. Александр Меншиков в детстве в Петербурге, по проверенным и не по проверенным слухам, торговал на улице пирожками. Однако, благодаря своей чрезвычайной любознательности, сообразительности и исполнительности он попадает на глаза приближённым Петра 1 и его зачисляют в Преображенский полк, тогдашний “потешный” полк. В 1687г. он становится денщиком Петра 1, а дальше начинается умопомрачительный взлёт. 1702г. – Граф, 1703 – Генерал-губернатор С-Петербурга, 1705 – Князь, 1707 – Светлейший, 1709г. -Фельдмаршал, 1719 – Президент Военной коллегии, 1727 – Генералиссимус морских и сухопутных сил. И каждая веха этого взлета была напрямую связана с государственным строительством Русской Империи и её военными и политическими успехами в это время, которые были достигнуты с его участием. Почести, титулы и награды из рук Петра 1 на него сыпались как из рога изобилия. А 1714г. Исаак Ньютон лично сообщает ему об избрании его членом Лондонского Королевского общества

Генералиссимус А. Д. Меншиков

1730г и воцарении Анны Иоанновны в Петербург возвращаются его младшая дочь и

сын.

Суриков – Меньшиков в Берёзове.

течение месяца, затем на неделю выезжает на отдых на

базу.

Просека для сейсмических работ.

Я любил зимние работы в тайге. Ты живешь среди 40-50 метровых корабельных сосен, елей, кедров и лиственниц,

поражающих тебя своей первозданной красотой. Ты вдыхаешь их неповторимый аромат и растворяешься в нём. Ты свой среди них, они приняли тебя за своего и своими телами заслоняют тебя от суетливого мира, и тебе от него уже ничего не надо – ты познал всё – ты – свободен.

Бурение взрывных скважин.

Ничто не может сравниться с зимними сейсморазведочными работами в тайге. Ни речная сейсморазведка с её конвейерным сумасшедшим темпом, ни заполярные работы на пределе человеческих возможностей, ни тем более сейсмосондирования, когда ты как кузнечик скачешь на самолете или вертолете с точки на точку. Все хорошо в тайге для зимней сейсморазведки, все..., кроме болот.

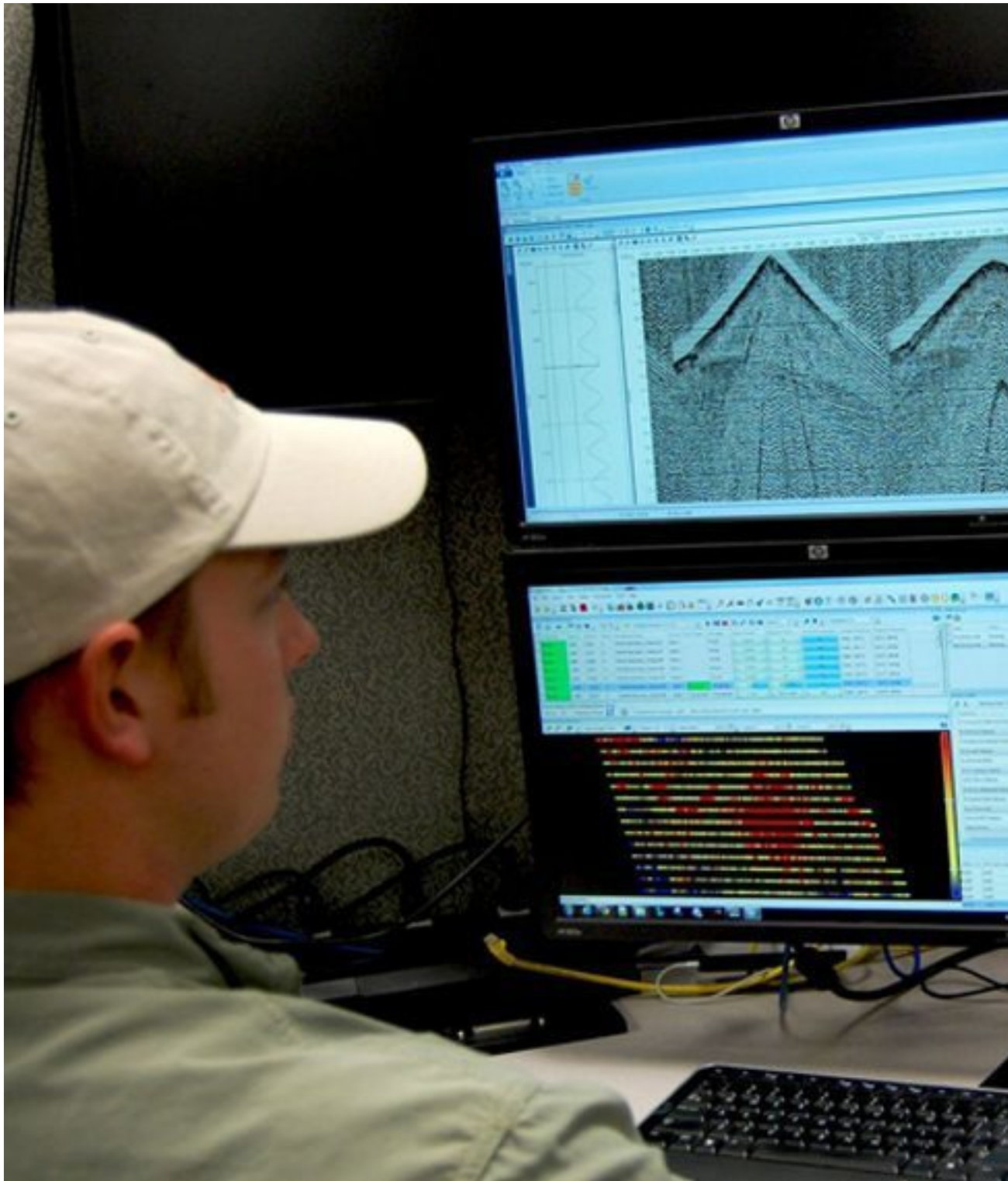
Потопление трактора в болоте на сейсмическом профиле в тайге .

Ты можешь десять раз проехать по одному и тому же месту, а на одиннадцатый раз твой трактор по крышку кабины (2.5м.) уйдет вниз в коричневую пузырящуюся жижу. Для полевого отряда – это катастрофа. Все работы прекращаются, кроме спасательных. Утопленника окружают лесами, на них кладут перекладины, вешают тали и вручную по очереди всем отрядом поднимают 15 или 20 тонную машину вверх, ставят ее на настил из бревен и отбуксировывают на твердое место. Там трактор разбирают, промывают, собирают и он снова в работе. Это в лучшем случае продолжается неделю, а может затянуться и на месяц. Но бывают случаи, и очень даже часто, покруче. Это когда при попытке вытащить трактор проваливается еще и другой трактор, а затем и третий, и это уже настоящее кладбище тракторов. На этом, как правило, зимний полевой сезон для этого сейсмоотряда заканчивается. Так было и так будет, пока не осушат болота Сибири. Но когда осушат эти злосчастные болота, то исчезнет и это вселенское чудо – сибирская тайга.

15. Железная рука оператора чередой идут рабочие будни.

рука

опера-

тора.

Оператор сейсмостанции.

Здесь всё подчинено его воле. Здесь всё зависит от его профессионализма и от его интеллекта. Он должен безошибочно определить глубину скважины и величину заряда. Он должен исключить любой отказ аппаратуры и безошибочно зарегистрировать сейсмограмму. Он должен оценить качество получаемого материала и сразу же внести коррективы для его улучшения. Но это далеко не всё. Оператор должен манипулировать психикой отряда. Не давать ему впадать в уныние и заражаться вирусами недовольства и конфликта. Пожалуй, это есть самое трудное и главное в профессии оператора. И этому таланту – таланту разряжать все конфликтные ситуации со своими рабочими я учился у Каравацкой Е.В. и у Высоцкого В.Т. А их главными инструментами в этих случаях всегда были выдержка и ...юмор. Да, это были настоящими профи.

Ночь и мы с Василием мчимся на базу. Вот на нашем пути обычная протока Оби. Такие протоки черпают свои воды из Оби, петляют по её пойме и затем вновь возвращают свои воды полноводной Оби. Обские протоки отличаются своим взбалмошным характером и коварством. Они могут неожиданно прорвать свои берега, прорыть себе новое русло и соединиться с Обью совсем в другом месте. На них не составляют лодий, потому что они все время меняют свой фарватер и положение своих мелей. Ширина нашей протоки была порядка 50 -70 м., а её заснеженные пологие берега поросли кустарником и мелколесьем.

Мы останавливаемся на берегу протоки. Медленно съезжаем на лед и останавливаемся. Затем Василий врубает пятую скорость, одновременно берёт рычаг сцепления на себя и одновременно переводит рукоятку газа в крайнее – максимальное положение. Трактор срывается с места и как оголтелый мчится к противоположному берегу. Стоит невообразимый грохот. Но даже в закрытой кабине сквозь мощный рёв тракторного дизеля ты слышишь, как трещит лёд под грохочущими гусеницами нашего трактора. Мое сердце останавливается, проваливается вниз и мне кажется, что и мы вот, вот провалимся в тартарары на дно протоки. Но нет! Трактор благополучно достигает противоположного берега, взлетает на него и мы, уже не сбавляя скорости, продолжаем приближаться к базе. Там мы заправляем трактор под завязку, закрепляем на форкопе бочку солянки, мчимся снова к протоке и форсируем её опять строго по предыдущему алгоритму. Как ни странно, но именно этот алгоритм, проверенный многими годами практики, прижился в сейсморазведочных партиях. В силу своей пластичности лед перед своим разрушением должен обязательно прогнуться и этого времени обычно бывает, чтобы трактор успел занять новую позицию на ещё не начавшемся прогибаться участке льда, потом на следующем и так далее, но бывает и наоборот... Когда лед, всё-таки, не выдерживает, то трактор на полной скорости уходит далеко под цельный лёд, и у тракториста и его пассажиров нет никаких шансов выбраться из затонувшего трактора.

Каждая переправа на протоках, помимо всего, имеет свои характерные особенности – окружающий её рельеф, залесённость, ориентировку на солнце и т.д., и всё это, так или иначе, определяют тот момент, когда весной, а то и посреди зимы, воды протоки подмывают лёд действующей переправы, и при этом надо ясно понимать, что все они находятся в глухой тайге и, до поры до времени, их никто не проверяет. Именно с этой непредсказуемостью переправ на протоках, как правило, и связаны те трагические происшествия с человеческими жертвами, которые случаются на переправах в зимних сейсморазведочных партиях, без которых не обходится редкий зимний полевой сезон в экспедициях.

16.30 секунд...

Мы возвращаемся на профиль глубокой ночью. Несколько часов глубокого сна и начинается новый полевой день. И неожиданно с базы приходит распоряжение В.Т. о досрочном выезде отряда на базу – на отдых. Несмотря на ритм обычного рабочего дня в отряде тут же начинается сдержанный ажиотаж – кто в предвкушении просто нехитрого недельного отдыха с баней и прочими нехитрыми житейскими радостями, а кто в предвкушении очередного недельного загула с мордобоем и прочими тоже нехитрыми человеческими слабостями. Сборы затянулись допоздна, и мы заняли свои места для заветного старта только около 23 часов по местному времени. Я – в кабине трактора вместе с трактористом и ещё двумя девушками из сейсмобиригады, а весь отряд – в прицепленном сзади балке с сейсмостанцией. Я обычно в таких случаях сам любил сидеть за рычагами С-100, но на этот раз после предыдущей бессонной ночи я так умотался за день, что у меня не было никаких сил и желаний садиться за рычаги. Я сел около левой дверцы рядом с трактористом, а две девушки, одна из которых была его зазнобой – с другой стороны, зазноба, понятно, рядом с трактористом. Мне было только 24 и у меня, разумеется, тоже была девочка в Хантах, Нина Колесникова, которая ждала меня. Дорога была, естественно, та же, по которой мы только что с Василием проехали накануне, да и вообще, по ней мы ездили всю зиму, так что я мог с чистой совестью спокойно расслабиться. Убаюкивающее работает мощный дизель трактора, время от времени нас подбрасывает на кочках, и мы на полной тракторной скорости -15км в час мчимся в Ханты, но я уже не в тракторе. Я уже со своей девочкой – десятиклассницей, если даже пока еще не очень любимой, но уже, уж точно, очень и очень желанной.

Потопление трактора.

Казалось, прошли мгновения. “Но что это!?!.. Страшный холод! Страшный реальный сон! Я в тракторе, заполненном ледяной водой. Скорей! Скорей проснуться! Ну, скорей же! В тёп-

люю кабину трактора! ...Но нет! Нет!? Это не сон... Мы провалились! Мы провалились в протоку, через которую проезжали вчера ночью! Мы на дне протоки!” Вся кабина трактора доверху заполнена водой. Еще мерно работает дизель трактора, еще светят фары и их отраженным светом наполнена кабина трактора. “Воздух! Мне нужен воздух! Я не набрал воздуха! У меня нет воздуха!” Глохнет дизель. Гаснет свет. “Ничего страшного! Это не конец! Нужно только открыть дверцу трактора и выскочить наверх! Быстрей к дверце! Вот она! Нужно только нажать на ручку вниз и чуть-чуть толкнуть наружу, я это делал сотни раз, и дверца откроется, ещё секунда, и я снова буду на свободе., Я снова буду дышать и жить!” Ручка послушно идет вниз. “Теперь нужно только толкнуть её наружу!” Я слегка толкаю дверцу наружу... потом сильнее... ещё сильнее...и еще сильнее... “Но что это?! Что это?! Дверца не открывается. Ещё раз вниз и наружу.! И ещё раз! И ещё раз! И ещё раз! И ещё раз! ... Но она не шевелится... Как будто она наглухо приварена... Как будто она никогда не открывалась...Бесполезно! Я в клетке! В железной клетке! В железной клетке, заполненной ледяной водой на дне протоки! Это конец! У меня нет запаса воздуха...Я выдержу не больше 30 секунд! Уже идет обратный отсчет времени.” – 25, 24- , “ Мне только – 24... Я ничего не сделал! Я ещё ничего не сделал в жизни!” ... Отчаяние и обида заполнили меня... “Я – молод... Я – здоров... Я – полон сил...Я готов покорить мир... Я ещё никого не любил...” И я жму, и жму на ручку дверцы, и я понимаю, что это мой единственный и последний шанс, и я буду жать до конца. – 19,18-... И опять. “Я – молод... Я – полон сил... Я хочу жить...”. Но дверца не открывается... “Её заклинило или еще что-то... Всё! Воздуха нет! Страшная боль! Я погибаю... Это последние секунды...” 14,13... Дверца не шевелится несмотря ни на что. “ Я в запертой наглухо клетке на дне реки... Я погибаю, так и не успев ничего совершить ...” 9,8. Воздуха нет... Наваливается страшная боль. Последние секунды... Мыслей уже никаких нет, и только всё сильнее звучит предательский голос. “Открой рот! Прекрати борьбу! Прекрати страдания! Всё бесполезно! ... Сознание слабеет и на меня наваливается чудовищная боль. Голова разрывается на части... Легкие сводят судорогой от сумасшедшей боли...Живот режет болью... Я – весь кусок боли... Наступают последние секунды отчаянной борьбы. Мускулы рта готовятся впустить ледяную воду, чтобы только прекратить эту чудовищную сумасшедшую боль и всё сильнее команды – “ Прекрати борьбу! Прекрати страдания! Всё бесполезно! Открой рот!”. Но я молод! Я хочу жить! Отчаянно хочу жить! Любые страдания – но только не смерть! И я прилагаю безумные усилия – чтобы только не открыть рот и продолжаю жать ручку дверцы. – 4,3-... Но вот уже агония...“Всё! Всё! Это конец! Конец всему! Всё бесполезно... Всё конец...Нет! Нет!” Но Боль рвёт меня...Боль раздирает меня... “Открой рот... Прекрати борьбу. Прекрати страдания. Открой рот! – Нет! – Нет! Это конец! – Нет!“ 3,2... “Открой рот! Всё бесполезно! – Нет! – Нет! Всё кончено! – Нет! “ Жму – ещё и ещё, и ещё! Боль везде... Только боль... Чудовищная боль... “Прошло, наверное, 40 секунд, как я в затопленном тракторе. И я всё цепляюсь за секунды – секунды адских бессмысленных страданий. Идёт отчаянная, но бессмысленная борьба. Я знаю, что я обречён, но...”. Жить! Только жить! Ещё секунду жизни! Ещё! И ещё! Жить! Только жить! “Рот! Открой рот! Нет! Открой рот! Нет! Открой рот! Нет! Конец! Нет! Нет! Но вот, остатками сознания сквозь чудовищную боль я понимаю бессмысленность всего, что всё, что – это конец, что мне остались секунда... или две, и я уже сдаюсь... Я уже сдался... И мне уже без разницы – жизнь или смерть, но только без этой чудовищной боли! Я говорю всё...– “в последний раз” и снова всё – “в последний раз”. Ручка дверцы как обычно идёт вниз... доходит до упора ... и вдруг дверца... чуть-чуть поддалась... Я нажимаю и толкаю сильнее! Ещё сильнее! Щель! Я протискаюсь в щель и наверх! Глоток бесценного воздуха! Меня подхватывают, и я уже стою на льду. Я ничего не соображаю, но я –живой. “ Я – живой! Я – снова живой! Я продолжаю жить...” Я стою на льду и разрываюсь от любви и благодарности. Я готов целовать все вокруг – своих рабочих, сосны, ели, снег под ногами... В благодарности за жизнь, которую я снова получил, которую мне только что даровали. И я знаю – “теперь я буду любить все вокруг и всех

до самых последних дней своей жизни. Я буду любить всех без разбора... кривых, косых, убогих, горбатых..., всех без разбора, потому что теперь я знаю стоимость жизни, я знаю смысл жизни! Жить – это значит любить! Любить и благодарить! Любить всё вокруг! И благодарить за всё, что тебе даруют! “

17. Сейчас только я отвечаю за всё и за всех!

Я стою на льду и вдруг вижу рядом своего тракториста Василия и его подругу. И я мгновенно вспомнил, что в тракторе не было лобового стекла, которое мы разбили чуть ли не накануне, и понимаю, что тракторист вместе с подругой успели выскочить из трактора через эту пустую раму либо в момент погружения трактора на дно реки, либо сразу после его погружения. “Я точно так же мог бы выскочить с ними через этот проем, и что вся моя отчаянная борьба была бессмысленной. Но, нет! Вряд ли, мы все четверо в крошечной темноте затопленного трактора успели бы из него выбраться. Но где вторая девушка? Где Эллочка? “И тут же я слышу позади себя шёпот: “Эх, Элла, Элла – бедная девочка...” Все! Все ясно! Она не выбралась из трактора! Она оказалась крайней в той безжалостной борьбе, которая развернулась в тракторе за жизнь. И сейчас она там” Проходит мгновенно радостная хмель. Я снова оператор отряда. “...и здесь, и сейчас только Я отвечаю за все и за всех.” Весь наш отряд стоит на льду у затонувшего трактора в полном молчании. Но я знаю, что все они мыслями в тракторе, где осталась восемнадцатилетняя девочка. Все молчат и в морозном воздухе висит напряженная тишина. Прошло от силы 3 минуты с момента утопления трактора, и все понимают, что девочку ещё можно спасти и вернуть в жизнь. Но нет никакого движения к проруби и ясно, что ещё немного и будет уже поздно... Мозг в мгновение проигрывает ситуацию. “Неужели мне снова лезть в эту ледяную клетку, из которой я выкарабкался только чудом? Ведь у меня уже нет сил после этой отчаянной борьбы. Я обледенел – на мне ледяная корка. Я весь тряусь как параноик от ледяного холода на пронизывающем 20-ти градусном морозе. И мне нужно протащить бездыханное тело девушки через все тракторные рычаги, и вытащить её из трактора. Нет, нет! У меня нет никаких шансов! На этот раз я не выкарабкаюсь.... Но все стоят и молчат... А ведь среди моих мужиков есть такие, которые одной левой притормозят 15-ти тонную махину трактора... А девочку ещё можно спасти...” Но все стоят и молчат, и никто не идет к майне, из которой безжалостно торчит выхлопная труба С-100 ... И снова “Я – оператор и здесь, и сейчас только Я отвечаю за все и за всех... А если я не залезу за девочкой – это будет крест...крест всей моей жизни... я не вынесу его...” “Прыжок! Я снова в тракторе. Я снова в этой ледяной клетке. И мне кажется, что я из неё так и не вылезал. На мне тонкая рубашка, ватные брюки, напитанные водой и валенки, тоже наполненные водой. Полушубок я где-то потерял, но, впрочем, мне сейчас не до полушубка. Здесь он – только помеха. Расплывается сознание. – Сказывается усталость и холод. Мысли перескакивают с одной на другую. Бегут бесценные секунды. “Нужно собраться.” В голове проговариваю намерения и действия. “Главное – не совершить ошибки. Не суетиться. Мне нужно найти девушку, вернее, её тело. Если оно, конечно, ещё здесь, в тракторе. Я знаю, где оно! Вернее, где оно может быть! Она сидела у противоположной дверцы, и оно должна быть там. И это значит, что мне нужно пробраться через весь трактор и через все рычаги к противоположной стенке трактора. Но вряд ли она там осталась. Ведь она, наверное, тоже пыталась выбраться из этой западни. И почему она не выскочила через разбитое лобовое стекло, тоже задремала!? Нет вряд ли. Я уснул, потому что у меня была бессонная ночь накануне. А она – молодая, вряд ли дремала в тракторе, в котором, того и глядишь, на кочках голову прошибёшь о крышу кабинки” В тракторе – ледяная темень. Свет луны не попадает сюда. На ощупь нахожу первый рычаг. “Это рычаг сцепления далее следует выжимной рычаг левой гусеницы. Вот стойка с ручкой газа. Теперь идет рычаг управления правой гусеницей и стояночный тормозной рычаг. Это значит, что я приближаюсь к правой стенке кабины трактора. Прошло уже секунд пять” ... Я – в середине кабины...

Девушки, вернее, её тела пока нет. “Но где она? Бедная девочка. Из местных. Хотела заработать на туфельки или помочь матери... а оно вон как получилось..., да кто оно знал, что так оно выйдет? Надо быстрее найти её! Уже секунд 10, наверное, прошло... Надо спешить! Но где она? Если она в тракторе, то она должна быть где-то здесь. Тракторист, конечно, сначала протолкнул в выбитое окно свою подругу, а потом полез сам. Конечно, он не стал дожидаться пока она вылезет. Тогда бы он рисковал сам остаться в тракторе. Она, конечно, не дождалась своей очереди на выход – растерялась и захлебнулась. Вообще, нас всех спасло только это разбитое лобовое стекло. Если бы не оно, то мы, вряд ли бы вылезли...” Я протягиваю руки, шарю кругом руками. Но кругом пустота, вернее ледяная вода, и руки, в конце концов, упираются в железную стенку кабины трактора. “А может, она, всё таки, последовала за трактористом с его подругой и потерялась на полпути, на выходе из трактора и теперь её тело стремительно несется в полноводную Обь, покрытую льдом. Все пора возвращаться!” Я – в тракторе уже секунд 15 и воздух уже на исходе. Болевые спазмы ещё не подкралась, но медлить нельзя. Я уже ослабел, а у меня ещё путь назад. Я разворачиваюсь к выходу и, на всякий случай, тычу ногой по ходу в нижний правый угол кабины. Нога упирается во что-то мягкое, и я протягиваю туда руку. “Вот она! Вот она! Вот её бездыханное тело. Вот ее сложенное девичье тело, забившееся в нижний угол тракторной кабины. Теперь мне только бы выбраться с ней на поверхность и, может быть, еще удастся ее спасти. А у меня уже нет воздуха. Воздуха уже нет, но, если мы застрянем здесь, это уже ясно, никто не придет к нам на помощь.” На девушке – полушубок. Он – расстегнут и болтается. Он мне очень мешает, но у меня нет ни времени, ни сил снять его с тела. Я одной рукой обхватил тело девушки, а другой нащупываю опять те же самые рычаги, через которые я продирался, всего лишь несколько секунд назад. Я волоку тело девушки вдоль тракторного сидения, свободное от рычагов управления, сам продираюсь рядом. “Только бы не зацепиться! Только бы не зацепиться! Ведь нас никто не вытащит отсюда. Вернее, вытащат с трактором... через неделю. Только бы не зацепиться! Только бы не зацепиться! И опять эта адская боль в висках! “Но мы уже у выхода. Я проталкиваю тело в дверцу и толкаю его наверх. Его тут же подхватывают.

Под девушку тут же бросают кучу всяких теплых тряпок и бросаются её откачивать. Я стою в стороне и меня всего бьёт дрожь, но не от холода, а от ожидания и напряжения... “А что, если всё было напрасно?” И вдруг! И вдруг я слышу голос – “Что вы со мной делаете?” Сердце выпрыгивает из моей груди. “Это Победа! Это наша общая Победа! И это моя самая великая Победа в жизни, которую я не променяю ни на что – ведь я спас человека!” Мы все стоим вокруг девочки Глухая тайга... Морозная полночь. Дует пронзительный ветер. Над нами светит полная луна. Под нами поскрипывает и серебрится снег. Кругом безмолвные и величавые в своей красоте ели и сосны. Рядом в майне виднеется выхлопная труба утопленного С-100. А мы стоим все вместе – плечом к плечу в едином порыве – в едином братстве. И мы... И мы все – самые счастливые люди на земле... потому что мы спасли человека... Спаси человека на своём пути, и ты тоже станешь самым счастливым на земле!

Но вот уже страсти по утопленным, то есть по мне и Эллочке улеглись. Раскочегарена печка в балке, который, к счастью, застрял на льду и не позволил трактору уйти дальше на глубину в протоку. Согрета и приведена в чувство наша девочка. И все нестройной толпой отправляются по домам – кто в Самарово, кто в Ханты. Я немного задерживаюсь в балке. А потом... А потом я полетел на крыльях в свою камералку... Я был так полон сил и энергии, что мне казалось – стоит мне только посильней взмахнуть руками как я птицей взвзоюсь в небо. Я был наполнен счастьем... Я звенел от счастья... Я просто разрывался от счастья..., и я чуть не сошёл с ума от счастья. Ведь мне подарили жизнь.... Ведь я подарил жизнь... И мне нужно было что-то делать – кричать, махать руками... и бежать... и бежать. И я бежал до самого своего закутка – закутка с занавесками вместо дверей. И это ощущение счастья у меня сохранилось до сих пор. И когда я вдруг начинаю “киснуть”, я говорю

себе:”. Эй, Парень! Чего ты нос повесил? Ведь, Ты же – самый счастливый человек на земле. Ведь, ты спас Человека!”

18. Подводное сальто-мортале.

Утром я уже был в экспедиции. В.Т. встретил меня спокойно. Он уже был в курсе ЧП и занимался организацией спас. работ по вытаскиванию трактора-утопленника. Спас. работы начались на следующее утро. Я не был задействован в этих работах, а присутствовал только формально. А вот В.Т. и вовсе не присутствовал. На своем веку он, наверное, столько насмотрелся на таких утопленников... Но для меня это было захватывающее зрелище. На берегу выстроилась кавалькада из четырех сцепленных С-100 с грохочущими дизелями, а в огромной полынье одиноко торчал кончик выхлопной трубы утопленного трактора. Недалеко собрались, неведь откуда-то взявшиеся зеваки и зрители. А двое трактористов стояли по обоим сторонам полыньи и безуспешно пытались на длинных веревочных растяжках надеть петлю из негнущегося стального 25-ти миллиметрового троса на крюк расположенный под днищем утопленного трактора. Шло время и скоро всем стало ясно, что эту задачу смогут решить только водолазы из ДОКа. Это стало ясно и мне. Но я понимал, что в экспедиции меня будут полоскать до тех пор, пока этот трактор торчит в этой полынье. Я останавливаю работы и прошу приготовить мне трос. Я сам буду накидывать петлю на крюк.

Это был отчаянное решение – залезть в ледяную воду на глубину почти в три метра и попытаться накинуть голыми руками на крюк под днищем огромную петлю из 25-ти миллиметрового стального негнущегося троса. Я понимал, что если я допущу малейшую оплошность, то я из спасателя трактора-утопленника превращусь в его напарники. Я был ещё молод... Но я уже умел рисковать в жизни, и я уже умел побеждать, и здесь я был старшим, и за себя отвечал я сам. Первое погружение было рекогносцировочным. Нужно было освоиться с подводной топографией днища трактора. И нужно было приноровиться к тросу и оценить его вес в воде. Наконец, нужно было оценить свои физические возможности. Во второй попытке я уже попробовал накинуть петлю, но мне выдали слишком большую слабину, и петля не легла на крюк. Я отогрелся в балке и начал готовиться к третьей попытке. Я понимал, что это будет моя последняя попытка – на большее у меня просто не хватит сил. Я собираюсь. Я собран. Я весь – пружина. Я должен накинуть этот трос. Я раздеваюсь догола, прыгаю в ледяную воду и подплываю к утопленнику, где для меня на весу на растяжках с обеих сторон полыньи держат стальную 25-ти миллиметровую петлю. Я контролирую каждое свое движение, каждый свой вдох, выдох. Счет идет на секунды. Ледяная вода буквально высасывает из меня всё тепло и энергию. Я осторожно, чтобы не пораниться берусь левой рукой за трос, ногами нащупываю радиатор трактора и фиксирую с помощью трактористов на растяжках положение петли в пространстве относительно кромки радиатора. Далее я слегка погружаюсь вниз, нащупываю правой рукой радиатор, переворачиваю свое тело головой вниз и цепляясь правой рукой за ячейки радиатора, а левой рукой держа петлю, медленно, медленно погружаюсь вниз. Всем моим маневрам мешают растяжки с обеих сторон. Я продолжаю идти вниз, и вот моя голова уже на уровне днища трактора. Здесь я обратно переворачиваюсь и принимаю вертикальное положение. Я в воде уже около минуты, а под водой – секунд 15, тело мое начинает коченеть, уходят силы и уходит воздух из моих легких, а главное всё впереди. Теперь я слегка просовываю голову под днище, правой рукой нащупываю крюк и начинаю левой рукой подтягивать петлю и заводить её на крюк. Вот петля троса уже над крюком. Наступает самый ответственный момент – фиксация петли на шейку крюка. Прошло уже порядка 30 секунд под водой и у меня остались считанные секунды. Я работаю в полной темноте и восстанавливаю топографию днища с крюком только на ощупь с помощью правой руки. Теперь я медленно с трудом завожу петлю, фиксирую её на шейке крюка и даю ей немножко слабину, чтобы она хоть немного повисла на крюке. Петля 25-ти миллиметрового негибкого стального троса отчаянно сопротивляется моим усилиям, а я отчаянно сопротивляюсь инстинкту самосохранения. Сознание слабеет. Но в голове только одна железная мысль – под-

цепить петлю. Идут последние секунды. Я сдаю назад. Вытаскиваю голову из-под днища трактора. Разворачиваюсь на 180 от трактора. Руками нащупываю положение растяжек и троса и рвусь наверх. Наверх к жизни! И к выглянувшему из-за облаков зимнему сибирскому солнцу.

Как же прекрасен этот мир и как же прекрасна Ты – жизнь! Прошло ещё пару дней нашего трудового отпуска, и мы уже снова едем на профиль – достреливать оставшиеся зимние проектные профиля. А в экспедиции на доске приказов и объявлений уже красуется длиннущий приказ с многократным упоминанием моей фамилии в неприглядном свете и с коротким резюме в виде объявления мне строгого выговора за подписью начальника экспедиции – Евгения Сутормина. “Ну что ж! “ – подумал я -” За одного битого двух небитых дают!». И пошёл дальше по своим рабочим делам. А Сутормин через год сгорает в самолёте при посадке в Хантах. Сгорает в самолете, в котором он, был, как и я, пассажиром транспортного средства...

19. Групповуха

Сибирская холодная весна в полном разгаре. Но солнце светит всё сильнее. Снег теряет свою первозданную белизну. Постепенно оседают снежные сугробы. Я со своим отрядом достреливаем последние километры профилей и возвращаемся на базу в Ханты на межсезонье до летних работ. Но проходит пару дней и мне предлагают срочно выехать в удаленный второй отряд, который покинул заболевший В.Т., работавший там последнее время оператором и оставивший вместо себя малоопытного оператора-практика – Ваню Плахина. Выехать, чтобы курировать работы и оказывать ему методическую помощь. Проходит пять дней работы отряда и нашего операторского тандема. Но вот, наступает резкое потепление и по неизвестной причине обрывается связь с базой, а до Хантов 50 км. и все по зимним болотам. В отряде много женщин и в отряде начинается настоящая паника. Отрядные паникеры непрерывно твердят: “Нас бросили! О нас забыли! Нам не выбраться отсюда!” Безвольный и малоопытный Плахин не слушает мои отчаянные убеждения и сам поддается панике, а я здесь – всего лишь консультант. И вот уже отряд сворачивает работы и стартует в Ханты. Я еду вместе с Плахиным в балке сейсмостанции не в самом лучшем своем настроении. Я понимаю, что в Хантах я буду крайним во всей этой истории. Конечно, я могу остановить отряд. Вернее попробовать. Надо просто встать на пути головного трактора. Но я понимаю, что есть только fifty-fifty, что трактор, за рычагами которого сидит тракторист, разгоряченный невесть откуда взявшимся в отряде горячительным, затормозит свой путь. А мне... А мне, только что подаренная жизнь еще не настолько опостылела, чтобы её вот так бездумно, не за понюшку табака, бросить под широкополосные гусеницы болотного трактора. Балок неожиданно останавливается. Я неохотно вылезаю из теплого балка, и мои глаза лезут на лоб. Дорогу нашему отряду преграждает встречный трактор, и из него вылезают до боли знакомая мне фигура В.Т... Он передает нам письма, новые батареи для радиостанции и прочее, а затем в наступающих сумерках прямо здесь на болоте устраивает импровизированный митинг о геологической важности последних оставшихся километров профилей. Митинг заканчивается. Трактор В.Т. скрывается в ближайшем мелколесье. А мы, сломленные и растерянные, уже глубокой ночью возвращаемся на профиль, с которого сбежали всего лишь несколько часов назад. Но работы уже нет никакой. Отряд полностью деморализован. Кое-как мы отстреливаем еще с десяток км. Потепление продолжается. И вот уже по рации приходит столь желанное сообщение о прекращении работ и выезде на базу.

А вот, и итоговое собрание партии, посвященное окончанию сезона. В общем, – необязательный формат полевых партий. Нет представителей экспедиции и присутствуют только рабочие из второго отряда. Начинается собрание и В.Т. сообщает, что партия выполнила свое проектное задание. А потом – а потом начинается моя групповая прилюдная порка. Похоже, В.Т. серьезно решил показать, кто в доме, вернее, в партии – хозяин. Меня обвиняют во всех смертных грехах, сотворенных мною в обоих отрядах. Ну, разве только, не в изнасиловании поочередно всех девочек из обоих сейсмоотрядов. Пока речь шла о моем утоплении трактора я по наивности полагал, что это просто необходимый ритуал итогового собрания. Но когда речь зашла о втором отряде, я понял, что меня здесь просто опускают. Вставали рабочие второго отряда и во всеуслышание и мне в глаза заявляли, что это я вывез их с профиля, что это я отдал приказ о выезде. Конечно, я их понимал – все они были навеселе. Но иначе здесь и не могло быть. Это были настоящие работяги-сибиряки, и только градусы могли превратить их в Цицеронов. И так никто и не поднялся, и не сказал: “Ребята! Побойтесь Бога. Ну, зачем Вы его так?” Нет вру. У меня нашелся защитник. За меня заступился Аркадий Краев, мой ровесник, выпускник Свердловского Горного, только что назначенный в нашу партию интерпретатором и сидевший за моей спиной. Правда, заступился он... сорок лет спустя, уже став культовой фигурой Ямала, обладателем Лен-премии и прочих титулов и

наград. Заступился он в своих интернет мемуарах “К сокровищам стылой земли”. Возможно, тогда он был ещё просто молод и осторожен, чтобы рисковать и плыть против течения.

20. Ханты... Любовь моя

... Прости меня... Прощай!

Вот опять мой Иртыш грохочет и сбрасывает свой ледяной панцирь. К нам с юга летит всякая пернатая живность. А я улетаю на Север. Вернее уплываю. Нет, не на том пароходе, который чавкал: чап-чап-чап, а на “Ленинском Комсомоле”, красавце лайнере, ГДР производства, в двухместной комфортабельной каюте с горячим душем и прочим набором атрибутов цивилизации. Еще прошлым летом Вадим Бованенко, главный геофизик ЯНКГРЭ – Ямало-Ненецкой комплексной экспедиции, будучи постояльцем гостиничной комнаты в нашей многофункциональной камералке, предложил мне место оператора в заполярной сейсмопартии. Пару дней назад я сообщил ему о своем согласии и вот уже есть приказ об откомандировании меня в ЯНКГРЭ. Конечно, итоговое собрание было несомненным аргументом в этом решении, но не только оно. Я просто с детских лет подружился с отважными и мужественными героями Джека Лондона, мчавшихся на собачьих упряжках по бескрайним просторам заполярной тундры, и я тоже хотел мчаться по тундре как они, и вот, расставание с моей хозяйкой, хозяйкой камералки и моего закутка с занавесками вместо дверей. Она сует мне пирожки на дорогу как будто я, как и мои любимые герои – Амундсен и Нансен, собираюсь штурмовать СП. У нее на глазах слезы. Нет – мир не без добрых людей. И у меня потеплело на сердце. А впереди меня ждал Ямал. А Ханты?! – Любовь моя... Прости меня... Прощай!

Повесть вторая. Я – оператор Тазовской с/п 3/59-60.

Открытие в 1962 г. Тазовского месторождения газа на Крайнем Севере России положило начало ряду открытий крупных запасов углеводородов в арктическом регионе. Вслед за ним в 1967 г. в США, штат Аляска, было обнаружено газонефтяное месторождение Прудо-Бей (Prudhoe Bay).

Ю. Карогодин

Я давно собирался написать об этом открытии. С Тазовского месторождения началось открытие супергигантов. Открытие 40 лет назад Тазовского месторождения газа, первого в заполярье Западной Сибири, явилось эпохальным событием. Этим месторождением в полный голос заявила о себе уникальная нефтегазоносная провинция с гигантскими запасами и супергигантскими, крупнейшими в мире месторождениями. ,

профессор, Лауреат Государственной премии РФ 1999 года

за «Прогноз, освоение и разработку газовых месторождений севера Сибири»: Уренгойского, Ямбургского, других крупнейших месторождений северных и арктических областей Западной Сибири. Несколько раз начинал, но так и не закончил. Прошедший год – год 40-летия получения первого управляемого фонтана газа на Тазовском месторождении. Немаловажная дата, вполне сравнимая с 50-летием открытия Березовского месторождения, первенца газовой отрасли в Западной Сибири. Официально годом открытия Тазовского месторождения считается выброс аварийного фонтана в 1962 г. Но известно, что немало фонтанов подобного типа еще не означали открытия месторождения. Иногда спешили после первого фонтана (и даже не аварийного) давать будущему месторождению громкие имена (например, Ленинское), а потом выяснялось, что месторождения-то и нет. Определенную роль сыграли и то, что редколлегия книги «Энергия Ямала» (2001 г.), где собраны воспоминания геологов и геофизиков об освоении Севера Западной Сибири, призывала помочь второму изданию материалами, документами, письмами и фотографиями...

Ташкент 2014

1. Сопливый мальчишка.

Я гуляю в полном одиночестве по палубам белоснежного красавца речного лайнера «Ленинский Комсомол». Наш лайнер стремительно поднимается в Высокие Широты. Мы идём, прижимаясь к правому берегу. Совсем рядом с нами на крутом 20-ти метровом обрывистом песчаном берегу стоит сплошная зеленая стена из величественных и неприступных в своей красе корабельных сосен, кедров и раскидистых елей. Но время от времени из этого ряда кто-то прямо на наших глазах вдруг срывается вниз по обрыву и вот уже этот таёжный красавец или красавица беспомощно болтается как щепка и несётся в мутных водах величественной и безжалостной Оби. А на берегу стоит и дожидается своей печальной участи очередная жертва. Она ещё стоит в своей таёжной красе. По её блестящей коре ещё струится янтарная смола, её ещё венчает пышная вечнозелёная крона, в которых скрываются полновесные чешуйчатые шишки, готовые дать жизнь следующему поколению таёжного чуда. Но нет! Её час уже пробил, её уже ждет внизу ненасытная Обь. Идёт безжалостная и бескомпромиссная борьба двух стихий – стихии водной и таёжной, в которой повинны силы Кориолиса, отклоняющие вправо все реки северного полушария, текущие на Север и влево все реки южного полушария, текущие на Юг. Вот уже позади остался посёлок Берёзово, где в 200 лет назад доживал свою блестящую жизнь опальный царедворец Петра и Екатерины 1 – князь Меншиков, и где совсем недавно в 1953 году нежданный газовый фонтан газа из опорной скважины сообщил стране о неизведанных ещё богатствах недр Западной Сибири. А мы днём и ночью несёмся дальше к Полярному кругу, за которым лежит неизведанная и таинственная Арктика, и сам его Величество Ледовитый Океан. И сейчас именно здесь страна собирается открыть и прочесть первую страницу своих Арктических нефтяных и газовых богатств – но по силам ли мне стать полноправным участником этих событий? Мы продвинулись на Север ещё выше. На палубах – холодно и по ним временами гуляет позёмка. В лицо дует пронизывающий ветер, наполненный колючими снежинками. Картина на берегу разительно переменилась. Мимо уже проносится стена из белоствольных берёз. Листьев на них ещё нет, и они стоят ещё нагие в своей первозданной белоснежной красе. Но вот и берёзы постепенно сменяются приземистыми чахлыми деревцами, окруженные северным колючим кустарником. Обь раздалась. Но её левого берега за бортом как не было, так и нет. Где-то там, вдали с трудом можно разглядеть залитую пойму с протоками, старицами, озерцами и островками с чахлыми деревцами, и пышным кустарником, а ещё дальше поднималась такая же не приглядная голая первая надпойменная терраса. Это всё, что оставила Обь от некогда царившего здесь таёжного чуда.

Шёл третий день нашего плавания. Раннее утро. Пасмурно. Сыро. Моросит мелкий июньский дождик. И вот уже последний поворот. Наше судно, на сбавляя хода, закладывает правый вираж и входит в устье Полуя. Ещё пару часов и мы на траверсе Салехарда – столицы Ямало-Ненецкого нац. округа. Все спускаются с верхней палубы и начинают готовиться к высадке на долгожданный берег. На теплоходе царит радостная суеда, связанная с окончанием надоевшего уже всем плавания. Вот показывается причальный дебаркадер пристани с огромной вывеской – «Салехард». Мы – за Полярным кругом. Вернее, точно на Полярной параллели. За дебаркадером, чуть выше на берегу виднеется стандартное голубоватое здание самой пристани, где находятся билетные кассы, буфет, комната матери и ребёнка, туалет, администрация и прочие портовые службы. Следует привычный обмен приветственными гудками и начинается процедура швартовки лайнера к дебаркадеру пристани. Теплоход на малых оборотах ложится в дрейф напротив дебаркадера и начинает подрабатывать к нему к нему боковым трендом. Матрос на носу бросает чалку на дебаркадер. Там её ловят, вытягивают с теплохода причальный канат с петлёй на конце и надевают её на кнехты дебаркадера. Теперь начинаются причальные па нашего теплохода. Он то отработывает, то подрабатывать к дебаркадеру и. одновременно наши матросы

выбирают швартовые на носу и на корме пока они не натягиваются как струны. Но вот швартовка закончена. Наш теплоход намертво припаркован к отбегавшим свой век причальным ЗИЛовским покрышкам, сплошь опоясывающими борт дебаркадера. Мы уже все толпимся на нижней палубе. Матросы открывают состыкованные причальные проходы в бортах дебаркадера и теплохода. В проходы ложится широкий трап с поперечинами. И вот старшой уже даёт отмашку на выход. И все бросаются на трап в проход на дебаркадер, работая локтями, оттаптывая друг другу ноги как будто позади остаётся не трёхпалубный комфортабельный “Ленинский комсомол”, а тонущий и гибнущий “Титаник”. Я поддаюсь общему порыву и тоже бросаюсь в проход на дебаркадер, чтобы скорее выбраться на берег, чтобы, наконец, почувствовать под ногами твердую землю, которая уже начала ускользать у меня из-под ног в Хантах. Но твёрдой земли, как таковой, под ногами не оказалось. Под ногами оказались полуразрушенные, полусгнившие мостки, проложенные через чёрно-бурую пузырящуюся жижу, и казалось – ступи в неё нечаянно ногой – то так и останешься в ней навечно. По этим мосткам я дошёл до центра Салехарда, где без труда узнал местоположение экспедиции с координатами, которые у меня сразу же вызвали морские ассоциации – Ангальский мыс

Я иду по мосткам, проложенным справа от дороги, ведущей в сторону Ангальского мыса. Сама дорога представляла собой последовательность луж различных размеров и различной глубины, сообщающихся и не сообщающихся между собой, и трудно было понять, какой же вид транспорта обеспечивает экспедиции надёжную связь с остальным миром? И можно было предположить, что – это только экспедиционные трактора и вездеходы. По обеим сторонам дороги стояли аккуратные серо-голубые домики частных владельцев из щитовых панелей и с резными наличниками. Перед каждым таким домиком был палисадник, огороженный штaketником. В палисадниках виднелись чахлые деревца и кустарник, а за домами виднелись огороды, без всяких признаков зелени, а за ними с обеих сторон были пустыри. Я бодро шагаю по серым мосткам под серым пасмурным небом. Мне – 24. За спиной болтается рюкзак. Я полон сил, надежд и молодости. И мне сам чёрт – не брат. Серо-голубые домики с резными наличниками исчезают. Начинают появляться непонятные вытянутые строения, выстроившиеся в шеренги, друг за другом и похожие на конюшни с маленькими оконцами наверху. Это были остатки “ЗОНЫ”, а непонятные строения – бывшие бараки полит ЗЕКОВ Страны Советов. В одном из таких переоборудованном и переустроенном бараке и расположилась Ямало-Ненецкая комплексная геологоразведочная экспедиция или ЯНКГРЭ.

Через обязательный здесь для всех жилых помещений зимний тамбур я вхожу в экспедицию. В приёмной мне сообщают, что всё начальство в разъезде и вернётся не ранее 3-х дней. Огорчённый я пошёл выяснять свою судьбу в отдел кадров. В отделе кадров я было начал, что я – оператор из Ханты-Мансийска, но Бован...” Так Вы – Шарафутдинов Марлен Салихович”, перебила тотчас меня женщина – начальник кадров – “А мы Вас ждем! – Меня ждут?!” У меня перехватывает горло. Доселе в жизни неизведанное чувство охватывает меня. “Меня ждут?! Меня – вчерашнего сопливого мальчишку из далёкого Ташкента ждут здесь в Заполярной экспедиции, чтобы начать разведку недр Арктики”. Я написал свою короткую немудреную биографию и начал заполнять листок учёта кадров с его многочисленными дурацкими вопросами. В графе – “Есть ли у Вас родственники за границей?”, я ответил – “Нет.” И это была правда. А в графе – “Были ли Вы за границей?” Я тоже ответил – “Нет”. А это была уже неправда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.